

Владимир ЦАРИЦЫН | пленники замкнутой БЕСКОНЕЧНОСТИ

@ЭЛИТА

12+

Владимир Царицын

**Пленники замкнутой
бесконечности**

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Царицын В.

Пленники замкнутой бесконечности / В. Царицын —
Электронное издательство "Аэлита", 2013

Действие романа происходит в изолированном мирке, ограждённом от остальной части планеты невидимым и непреодолимым барьером. Вся территория замкнутого мира – долина, окруженная кольцом гор. Население этого мира, образованного пятьсот лет назад в результате неудачного пространственного эксперимента, разделено на два класса. Люди, имеющие существенные изъяны внешности, живут в деревнях и посёлках, расположенных в долине и занимаются сельским хозяйством и промыслами. Боги – статные красавцы – обитают в горном дворце, именуемом Раем, и ведут праздный образ жизни. В руках Богов находится оружие, при помощи которого они держат людей в повиновении (методика программирования человеческой внешности) и приборы, стабилизирующие произведённые коррекции. В результате сбоя программы коррекции внешности на свет появляется человек с минимальными уродствами – горбун Айгур. Прожив в замкнутом мирке четверть века, он решает пройти невидимый барьер и проложить дорогу во внешний мир. Много испытаний выпадет на его долю – боль и страдания, бои и преодоление всяческих преград, потери близких и дорогих людей. Но цели своей Айгур в конце концов достигнет.

© Царицын В., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Часть I	5
Двадцать пять лет назад	5
Глава I. Кузнец	10
Глава II. Другая жизнь	17
Глава III. Перевал	26
Глава IV. Снежная лавина	34
Глава V. Тайна богов	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Царицын

Пленники замкнутой бесконечности

Часть I

Люди и Боги

Двадцать пять лет назад

Дорога к Вратам Рая была вымощена большими плоскими валунами, добытыми в каменоломне. При строительстве, которое велось много лет назад – так давно, что никто уже не помнил, когда оно началось и когда закончилось – использовались только крупные камни любой формы. Друг к другу валуны плотно не подгонялись, пространства между ними заполнялись землёй и песком. Со временем земля вымылась дождями, а песок осел, и повозку сильно встряхивало, когда колеса проваливались в межвалунные щели. Егория стискивала зубы, чтобы не закричать от боли, и придерживала руками огромный живот. Один раз она не удержалась, и тихо охнула. Совсем тихо, но верховой Бог – его резвому вороному скакуну ужасно наскучило плестись рядом с неторопливо вышагивающими буйволами, он рвался вперед, и седоку приходилось постоянно охлаждать его пыл резким рывком уздечки, – скрипнув седлом, оглянулся и смерил роженицу строгим неприязненным взглядом. Егория сжалась в комок и, закрыв глаза, стала мысленно говорить слова молитвы:

«Боги милостивые и всемогущие, уповаю на Вас!

Помогите мне, грешной, превозмочь муки мои, телесные и духовные. Поглядите в глаза мои – в них нет ничего, кроме почитания и любви к Вам. Боги всеведующие и прозорливые, возьмите душу мою и узрите – верую. Сжальтесь над рабой Вашей страждущей. Избавьте от боли и страха, силы даруйте. До конца дней своих Вам служить буду, и чаду, что во чреве моём, наказ дам, чтоб любил и почитал Вас, как я всегда почитала и любила искренне. Будет и он, сынок мой или доченька, рабом Вашим.

Пусть сияет над долиной во веки веков, Чудо Ваше, Чудо Богов! Верую и в преданности клянусь!».

Все людские молитвы начинались и заканчивались одинаково, остальные слова придумывались теми, кто эту молитву произносил, установленного порядка не было. Слова могли быть любыми, любыми могли быть и просьбы молящихся. Разрешалось просить здоровья и сил, хорошей погоды и богатого урожая, благополучия, сытости и удачи. Нельзя было только просить красоту, красота – удел Богов.

Вдоль дороги росли яблони и абрикосовые деревья. Красные, жёлтые и нежно-оранжевые плоды, освещённые яркими лучами Чуда Богов, казались яркими разноцветными фонариками. В детстве Егория не единожды видела разноцветные фонарики. Ими был украшен цирковой шатер. Отец брал Егорию с собой на ярмарки, и там был цирк.

Егория вспомнила о цирке...

В те времена, когда она была маленькой, в долине проходили ярмарки. Они устраивались каждый год, в конце второго сезона, после сбора урожая, перед началом зимы. И на каждой такой ярмарке обязательно разбивался шатёр цирка. В цирке показывали представления с лошадьми, скоморохами и силачами. Лошади были красивыми и сильными, а скоморохи смешными. Они приделывали к лицам красные носы и размалёвывали губы. Сначала скоморохи хохотали и дурачились, громко говорили всякую ерунду, а потом принимались плакать, из

глаз брызгали длинные струи слез. Скоморохи ревели, а всем было весело. И всё-таки больше всего маленькой Егории нравились лошади. Они бегали по арене кругами – с седоками и просто так, – фыркали, били копытами и косили на девочку огромными и жутко умными глазами. Однажды случился лошадиный мор, и почти все лошади умерли, в долине не осталось ни одной, только у Богов, в Райских конюшнях, они выжили... Скоморохов Боги вскоре почему-то запретили, а силачи – что на них смотреть? В каждой деревне был свой кузнец, а все кузнецы – силачи. Посмотреть, как кузнецы поднимают и переворачивают повозки, чтобы снять или заменить колёса, можно и бесплатно, да и идти далеко не надо. Поэтому народ в цирк ходить перестал. А потом и ярмарки запретили...

Дорога подходила к концу. Голубые горы, видевшиеся из долины ярко-синей полоской на горизонте, медленно надвигались, росли по мере приближения повозки, тянулись к небесам и, вскоре, превратились в сплошную неприступную стену – серую и угрюмую. Буйволы, почуяв близкий отдых и корм, пошли шибче. Бог, сопровождающий повозку, пришпорил вороного и поскакал вперёд. Его ярко-алый плащ и такого же цвета плюмаж на шлеме развевался на ветру.

Фруктовые деревья кончились, уступив место крепким приземистым домам и хозяйственным постройкам слуг божьих. По дворам бродили сытые куры и утки, хозяев видно не было.

Егория никогда не видела слуг божьих, она впервые оказалась вблизи Врат Рая. В деревне говорили, что Боги берут в услужение только самых уродливых людей, чтобы те, своим видом, ещё больше подчёркивали их божественную красоту.

А ещё говорили, что чем уродливее человек, тем он преданнее Богам...

Буйволы остановились почти у самых Врат. Возница спрыгнул и, не оборачиваясь, зашагал к дому, с крыльца которого спускалось двое людей.

«Вот они, слуги божьи», – подумала Егория и украдкой бросила на них любопытный взгляд.

Обычные люди. Ничего удивительного в их облике женщина не заметила – слуги божьи оказались ничуть не уродливее жителей её родной деревни. Один – вислоухий с большим и толстым, как переросшая картошка, носом. У другого, наоборот, носа почти не было – небольшой бугорок над ноздрями. Большеносый выделялся копной ярко-рыжих волос, безносый, напротив, был совершенно лыс – то ли брился наголо, то ли был таким от рождения. Зато брови у него были густыми, они напоминали оттенком клочки прелого сена.

– Снова брюхатую привёз? – спросил у возницы лысый.

– Кого наместник прикажет, того и привожу, – ответил возница и вздохнул: – Такая у меня работа.

– Третью за этот месяц, – проворчал вислоухий.

Голос у него был глухой, и говорил он невнятно, наверное, ему мешал говорить нос.

– В долине три деревни, – сообщил возница всем известный факт. – С каждой деревни по одной роженице. Вот такая... – возница задумался, почесал затылок, вспоминая услышанное когда-то слово, – статистика.

Из калитки, расположенной слева от Врат Рая, вышел пожилой Бог в белой атласной мантии, без шлема. Его седые волосы красивыми локонами спускались на прямые плечи. Увидев Бога, возница и слуги божьи замолчали и склонили головы в почтительном поклоне. Бог приблизился к повозке и жестом приказал Егории спуститься на землю. Егория, кряхтя и охая, стала выбираться из повозки. Когда она уже почти спустилась, резкая боль внизу живота вырвала из её груди крик. По ногам потекла липкая жидкость, Егория испугалась. Она ухватилась за край повозки, чтобы не упасть, и заплакала.

– Раньше не мог привезти? – услышала она злой упрёк Бога, направленный, по-видимому, вознице, и сквозь слёзы увидела, как тот втянул голову в плечи и закрыл глаза от страха. – А если бы она в дороге родила?

Возница попытался что-то ответить, но не смог, только беззвучно пошлепал губами. Но Бог уже отвернулся и от возницы и от оторопевших слуг божьих. Достав из складок мантии какую-то чёрную продолговатую вещицу, он приложил её к щеке и тихо произнёс:

– Быстро готовьте всё для экстренных родов. Ледия на месте? Это хорошо. Буду с женщиной в родильном блоке через пять минут. Настраивайте аппаратуру.

Потом внимательно посмотрел на Егорию, снова сунул руку в складку мантии, извлёк пузырёк с белыми пилюлями и, отвинтив крышку, выкатил одну на ладонь.

– Проглоти.

Женщина послушно сунула пилюлю в рот, но проглотить не смогла – во рту было совершенно сухо. Егория с грустью взглянула на повозку, в которой где-то под соломой лежала глиняная бутылка с водой, но не решилась лезть за ней. С усилием протолкнула пилюлю внутрь. Она оказалось ужасно горькой.

Седовласый Бог кивнул Егории, приказывая следовать за ним, и направился к калитке в Рай, из которой вышел. Егория, шмыгая носом и придерживая живот, переваливаясь как утка, поспешила за ним. Ей было страшно, очень страшно, её, буквально, колотило от страха перед неведомым – роды у женщины были первыми.

«Ничего страшного, – говорили ей более опытные соседки. – Не ты первая. Всё будет хорошо. Рожать – не больно. Уснёшь, и будешь спать, как убитая. А когда проснешься, тебе принесут твоего ребёночка»

«Я не боюсь», – возражала она.

«А чего?»

«За него боюсь, за ребёночка. Вдруг он больным родится? Или... мёртвым?»

«Не бойся этого. Всё хорошо будет, – успокаивали Егорию соседки. – Боги этого не допустят. На то они и Боги».

«А у Бьяны? У неё ведь ребёнок умер при родах», – возражала Егория.

«Бьяна – беспутная была. Во грехе жила с мужиком своим. И родить хотела не по-людски, как сука какая, без божьего участия. Вот, Боги и наказали за это. А потом и мужика её... А ты – женщина праведная, богобоязненная. И со Званом живёшь по закону. Сам Брюс запись в книге делал. И на свадьбе твоей был. А Брюс не просто посыльный. Он на следующий срок наместником Богов станет. Так его брат говорил».

Егория ковыляла за Богом и твердила про себя: «Не бойся. Всё будет хорошо. Боги всё сделают, как нужно. На то они и Боги...»

Великолепие, которое предстало перед взором изумленной Егории, когда она, вслед за Богом, вошла в Рай, казалось сном. Да, нет, пожалуй, и во сне такого не увидишь: все вокруг – и стены, и высокие сводчатые потолки, сверкали золотом. Свет лился из хрустальных шаров, подвешенных к потолку. Такие же шары были установлены на высоких витых столбах. Пол из полированного чёрного вулканического стекла был похож на зеркало. В нём отражался потолок и светящиеся хрустальные шары. Казалось, что свет идёт не только сверху, но и снизу.

Бог стоял в стороне, в нескольких метрах от Егории, повернувшись к ней спиной. Скрестив руки на груди, он смотрел в конец зала, туда, где чернел в стене полуовальный ход. Из него, как два солнечных луча, выбегали и пересекали зал две металлические колеи. До слуха Егории донёсся мерный рокот и, через мгновение, в зал въехала блестящая яйцевидная повозка, она двигалась по металлическим колеям-лучикам. Повозка остановилась и, тут же, открылась дверь в её боку. Бог поманил Егорию пальцем и сам первым вошёл в повозку.

Внутри стоял ряд кресел. Егория села на одно из них, и повозка тронулась. Егорию вжало в кресло. Она зажмурилась и стала мысленно произносить слова молитвы во славу Богов.

Запищал сигнал вызова. Ледия щёлкнула тумблером, и на экране появилось лицо Главного Акушера.

– Здравствуй Хенр, – улыбнулась Ледия, приветствуя седовласого акушера. – Что, экстренные роды?

– Здравствуй, девочка. Я дал роженице таблетку, но времени, всё равно, мало, надо потопиться.

Ледия заметила, что Хенр, как и все остальные мужчины Рая, глядит не в глаза, а в вырез её туники. К таким взглядам она уже давно привыкла, с тех пор, как груди доросли до определённого размера, а случилось это лет, этак, шесть-семь назад. Ледия была ещё совсем девчонкой, а формы её соблазнительного тела уже тогда заставляли мужчин умолкать, когда она проходила мимо, останавливаться и провожать малолетнюю прелестницу жгучими плотоядными взглядами. Эти взгляды Леди нравились тогда и ничуть не меньше нравятся сейчас.

– А я всегда готова, – кокетливо проворковала Ледия и подмигнула.

– Значит, работаем, – хрипло выдавил Хенр, едва не подавившись слюной.

Ледия улыбнулась в ответ и выключила экран. «Вот, козёл старый, – подумала она о Хенре. – Наверное, уже не может ничего, а туда же... пялится. Хотя... не такой уж он и старый, года на три старше Гудзора. Они, ведь, с ним друзья всю жизнь».

Ледия занесла руки над клавиатурой компьютера и задумалась. За три с половиной года работы в родильном блоке, в отделе ввода первичных искажений, Ледия достигла немалых успехов. И дело было не только в быстром освоении техники и методике составления программ. Ледия обладала талантом в программировании будущих уродств. Новорождённые, появившиеся на свет при её участии, были не просто уродливы, они были ужасны. Глядя на этих монстров, восторгались все. И хвалили Ледию, а она упивалась гордостью за свою работу и, в следующий раз, придумывала что-то, не менее оригинальное.

«С чего начать?... – задумалась коварная красотка, склонив голову набок и глядя на экран, на котором контурно светилось изображение человеческого тела – начальная матрица. – Давненько я горбатых не делала»

Трель по клавишам компьютерной клавиатуры, и шикарный горб новорожденному обеспечен.

Дверь в комнату, где она сидела, как, впрочем, все двери в Рая, отворялась бесшумно, но легкий ток воздуха, более прохладного, чем внутри помещения, поведал о том, что к ней кто-то вошёл. Вошедший молчал, но Ледия кожей полуобнаженной спины почувствовала – это Лей. Она оглянулась и, лукаво улыбнувшись, проворковала:

– Я работаю, не видишь? К тому же, Гудзор уже вернулся. Он может заглянуть. Лучше будет, если мы встретимся ночью, когда он уснёт. Как всегда...

– Я до ночи не доживу. – Лей стоял, опершись плечом о дверной косяк и, хитро улыбаясь, смотрел на Ледию.

Когда он так улыбался, любая женщина Рая, даже самая верная и преданная жена, не могла ему отказать. Любая, но не Ледия. Она позволяла любить себя, восхищаться собой, прикасаться к себе, только тогда, когда она сама этого хотела. Они с Леєм стояли друг друга. Но именно сегодня она ждала его. Ждала давно, с самого утра. Гудзор уехал в долину, а Лей, как назло, не появлялся. Запропастился куда-то. Сволочь, наверное, тискал какую-нибудь малолетку в одном из тёмных уголков Рая. Ничего, малолеток у Лея всегда был целый гарем, а она, Ледия, одна. И она знала, что ни одна женщина Рая не соперница ей. С ними он просто развлекался, а её любил.

Лей подошёл к Леди, она позволила ему поцеловать себя в шею. Потом пылкий любовник стал покрывать поцелуями её плечи и грудь, раздвигая складки белоснежной туники.

Ледия оттолкнула его.

– Я сказала: ночью. Сейчас мне нужно закончить работу.

Лей обошёл кресло сзади и, приподняв её рыжие кудри, поцеловал в то место, где волосы начинали расти. Это был запрещённый приём. Ледия вздрогнула. Горячая волна желания про-

бежала по телу от того места, где Лей прикоснулся губами, и растеклась по животу и ягодицам. Она не сопротивлялась, когда Лей расстегнул жемчужную заколку на плече и обхватил руками её роскошные упругие груди с напрягшимися вмиг сосками. Ледия откинула голову назад и зарыла глаза. Думать о том, что в любую минуту может открыться дверь и в комнату войдет ревнивый супруг, не хотелось. Лей крутанул вертящееся кресло и упал перед полуобнаженной женщиной на колени.

Звякнули латы вошедшего Гудзора. Ледия открыла глаза, в них не было испуга, только досада, что им с Леем помешали.

Мужественное лицо мужчины было искажено гримасой ненависти.

– Лучше мне стать отшельником, чем оставаться рогоносцем, – сказал он, вынимая из ножен меч.

Лей вскочил с колен и закрыл любовницу собой. Меча у него не было – зачем оружие, если идёшь к прекрасной даме?..

– Может, поговорим по-мужски? – сказал он, пытаясь изобразить на своём лице улыбку.

– Нам не о чем разговаривать. Я просто убью тебя, и всё, – Гудзор поднял меч, и Лей понял, что сказанные мужем Ледии слова – не пустая угроза. Он заворожённо смотрел на сверкающую сталь.

Только поднял левую руку вверх, прикрывая голову от удара. Клинок Гудзора рассёк воздух и отрубил поднятую руку. Еще один взмах меча, и Лей, с окровавленным лицом, упал у ног Гудзора. Настал черёд неверной жены.

Ледия с каким-то странным изумлением глядела на упавшего у её ног любовника, потом подняла глаза на мужа и поняла, что сейчас умрёт. Она истошно завизжала, но удар меча оборвал её визг. Алая горячая кровь струей брызнула на лицо Гудзора. Рыжекудрая голова покатилась по полу, в мёртвых глазах застыл ужас.

Гудзор с брезгливым выражением лица столкнул с кресла обезглавленное тело жены и сел. На пульте мигала лампочка, на мониторе компьютера светилось окошко с предложением запустить программу. Гудзор машинально нажал клавишу запуска. Он сидел в кресле, держал в руке меч и тупо смотрел, как по глубокому кровостоку кованого клинка медленно и тягуче стекает кровь, скапливается на острие и крупными каплями срывается на каменный пол. Гудзор ни о чём не думал, просто наблюдал, думать было лень.

Раздался сигнал вызова из операционной. Гудзор щелкнул тумблером: это был Хенр.

– Мальчик, – сообщил Главный Акушер и осёкся, уставившись на лоб своего друга. – Гудзор? Это что – кровь? Ты ранен?.. А где Ледия?

Гудзор разжал пальцы, выронив меч, провел рукой по лбу и посмотрел на ладонь, она была в крови.

– Я её убил, – устало ответил Гудзор. – И этого... красавчика тоже. Давно надо было это сделать...

– Что ты натворил, Гудзор! – воскликнул Хенр.

Гудзор отключил видеофон.

Глава I. Кузнец

Айгур сидел на берегу Йяки на сером шероховатом валуне, облепленном, у самого уреза воды, бурым водяным мхом. Тонкие пряди мха лениво змеились в прозрачной воде, крохотные мальки прятались в их извивах от крупной рыбы.

Захотелось пить. Айгур встал на четвереньки и склонился к воде. В водяной глади, как в зеркале, отразилось его красивое лицо: высокий лоб с падающим на него русым чубом, прямой нос, волевой подбородок, внимательные, немного грустные, глаза. Если бы не огромный горб на спине, человека можно было принять за Бога.

Он сделал глоток, вода была холодной и сладковатой, ничуть не хуже колодезной. Концентрические круги на воде исказили черты лица, сделали Айгура похожим на обычных людей – брови подскочили вверх и изогнулись, нос тоже искривился, подбородок наткнулся на нос.

Если бы он был таким, каким сейчас отражала его вода Йяки, жизнь, несомненно, сложилась бы иначе. Скорей всего, у него была бы уже семья – Айгуру исполнилось двадцать пять лет, а в таком возрасте все в деревне обзаводились женами и детьми. Мама сейчас была бы жива, и отец жил бы с ними. Его дом не стоял бы на краю деревни рядом с кузницей, как теперь. Он, Айгур, был бы полноправным членом деревенской общины, выступал бы на общих сходках. Возможно, к его словам прислушивались бы односельчане. Да, неплохо сложилась бы его жизнь, имей он хоть одно из уродств, нарисованных всколыхнувшейся водой.

Но вода успокоилась, и Айгур вновь увидел свое красивое лицо – лицо Бога...

Он часто вспомнил эти мамины слова, вспомнил их и сейчас: «Это всё Боги! Они наградили меня за мою любовь к ним. За мою преданность и за веру. Они дали тебе частичку своей красоты. Эта красота всем нам принесёт счастье». Видя счастливое лицо мамы, мальчик радвался вместе с ней и верил её словам...

Мама, мама, как ты ошибалась. Вместо счастья, о котором ты мечтала, красота моего лица принесла горе и унесла твою жизнь.

Айгур ударил кулаком в свое отражение, разбив его на мелкие кривые куски, которые притягивались друг к другу, сливались, образуя нечто уродливое и бесформенное.

– Лучше бы я был таким, – вслух сказал он.

Вдруг Айгур услышал звук шагов по прибрежной гальке, у себя за спиной, и обернулся. В нескольких шагах от камня, на котором он сидел, стояла девушка. В руках она держала большую корзину с мокрым бельём. Корзина была тяжёлой, а девушка милой. У неё были большие, широко открытые глаза с длинными ресницами, маленький вздёрнутый носик и румяные щёчки с ямочками. Подбородка у незнакомки практически не было, что придавало лицу удивленно-обиженное выражение. Вздёрнутость носика ещё более усиливала впечатление. Одетая девушка была как все деревенские незамужние женщины – в длинное и широкое холщовое платье без пояса. На голове – платок, завязанный узлом на затылке.

Девушка глядела на Айгура. Глядела смело, не отводя глаз, как это делали все, кто встречался с ним, с отверженным. И это было очень странно.

– Я занял твоё место? – спросил парень.

– Я всегда полощу здесь бельё, – ответила девушка извиняющимся тоном. – Очень удобный камень.

– Я тоже часто бываю здесь. Иногда тоже полощу бельё, иногда просто так – сижу, думаю. Но почему-то раньше мы не встречались. Странно...

– Ничего странного. Мы с дедом недавно сюда переехали, месяц назад. Мы все жили там, – девушка смешно и неуклюже махнула свободной рукой в сторону, куда текла Йяка, другой рукой она прижимала к боку тяжёлую корзину, – в другой деревне.

– Кто все? – спросил Айгур.

– Все: мама, папа, дедушка, бабуля. Дед родом из этой деревни. Когда мама, папа и бабушка умерли, мы с дедом вернулись на его родину.

– Умерли?... Прости, а почему они умерли? Заболели?

– Нет, не болели. Ты же знаешь, Боги хранят нас от болезней. Они погибли, когда загорелся наш дом. В него ударила молния, и он вспыхнул, как сухое сено. А мы с дедом спаслись.

– Как же вам это удалось? – удивился Айгур.

– Гай был на дворе, я выбежала его успокоить, а дед следом, чтобы увести меня в дом – гроза была сильная... Тогда все это и произошло. Молния ударила, и дом вспыхнул. Дед пытался спасти кого-нибудь, но он даже не смог подойти к дому, такой был жар.

– Гай – это пёс, – догадался Айгур. – Выходит, это он спас тебя и твоего деда.

– Выходит... – согласилась девушка и замолчала.

– Тебе, наверное, нужно выполнить свою работу, – сказал Айгур, спрыгивая с камня, – а я отвлекаю тебя своими дурацкими вопросами.

– Да, уже поздно, – согласилась девушка. – Второе солнце скоро начнёт садиться.

Она поставила корзину на камень и достала скрученную простыню.

– А я знаю, как тебя зовут, – вдруг сказала она. – Тебя зовут Айгур. Ты кузнец. А живёшь там, – девушка указала на западный край деревни, – около кузницы.

– Меня все знают, – невесело усмехнулся горбун.

Взгляд незнакомки сделался грустным и нежным. На Айгура так никто и никогда не смотрел, никто, кроме мамы. На него обычно старались не смотреть вообще, а если и смотрели, то во взглядах людей Айгур замечал страх, или брезгливость, или неприязнь.

– А меня зовут Лиэна, – представилась девушка, не дожидаясь, когда её именем поинтересуется кузнец.

– Лиэна, – повторил молодой человек нараспев. – Красивое имя. Ну, вот и познакомились... – помолчав, и отчего-то смутившись, засобирился: – Пойду, наверное... – и вдруг спохватился: – А может, я тебе помогу? Вдвоём-то, оно, в два раза быстрее будет.

– Да, нет, ты лучше иди, – ответила Лиэна. – Я сама. Мне дед не велит, чтобы за меня кто-то мою работу делал. Он говорит: женскую работу должна делать женщина. Если женщина не будет делать, то, что ей положено, она станет ленивой и её никто замуж не возьмёт.

– Строгий у тебя дед, – улыбнулся Айгур.

Лиэна внимательно посмотрела на горбуна и тоже улыбнулась.

– Иди, – сказала она. – Правда, уже поздно.

– До свиданья, Лиэна...

– До свиданья, Айгур. В следующий раз увидимся – поболтаем.

Айгур согласно кивнул и, повернувшись, двинулся к своей хижине.

Первое солнце уже давно растворилось в западной части небосвода, окрасив его в бледно-пурпурный цвет. Горы, казавшиеся издали неровной тёмно-синей полоской, стали почти чёрными. Второе солнце, заканчивая своё дневное путешествие с востока долины до её западного края, уже приобрело форму растянутого по горизонтали овала, стало рыхлым и зыбким, и, вот-вот должно было превратиться в световое облако.

По мере угасания второго естественного светила, более ярким становилось третье, созданное богами, солнце, иди Чудо Богов, как называли его жители долины. Днём оно было почти незаметно – маленькая красная точка, ночью Чудо Богов становилось ярче, набирая силу. Из красной точки превращалось в яркую звезду – единственную на чёрном небе, – освещающая долину белым неживым светом.

Сейчас Чудо Богов светило в левое плечо кузнеца, отбрасывая на север длинную уродливую тень.

Айгур удалился от камня всего на каких-нибудь двадцать шагов, как вдруг услышал за спиной вскрик, а за ним – громкий всплеск. Он оглянулся: девушки на камне не было, там

одинокое стояла корзина с бельём. Ниже по течению из воды на мгновение показалась голова, повязанная платком, и тут же исчезла.

Кузнец бросился к берегу, на ходу скидывая суконную куртку и тяжёлые сапоги из буйволово́й кожи. Подбежав, он, не раздумывая, нырнул туда, где, по его мнению, должна была находиться утопающая – немного ниже того места, где он видел её голову. Под водой было темно, но Айгур сразу увидел силуэт девушки; её волокло течением по дну, по скользким, покрытым чёрными пятнами подводного мха, камням. Айгур настиг Лиэну, обхватил за талию и двумя мощными гребками всплыл на поверхность.

Когда он выбрался на берег и положил девушку на траву, та была без сознания. Айгур разорвал платье на ее груди и приложил ухо к сердцу: оно слабо билось. Айгур принялся делать искусственное дыхание. Его старания увенчались успехом – Лиэна закашлялась, изо рта хлынула речная вода.

– Кто ты? Где я? – спрашивала Лиэна, давясь кашлем.

Она испуганно глядела на своего спасителя и комкала на груди разорванное платье.

– Я Айгур, – напомнил он ей свое имя. – Ты упала в воду, и чуть не утонула.

– Это ты вытащил меня?

– Нет, водяной, – пошутил кузнец.

– Водяной? – Она глядела на него недоверчиво, потом догадалась, что парень шутит, сказала тихо:

– Спасибо... – и схватилась рукой за голову, сморщившись от боли.

– Что, болит? – обеспокоился Айгур.

– Немножко, – ответила Лиэна. – Я увидела Большую Рыбу, испугалась и резко отпрянула от воды. А так, как стояла на самом краю, то поскользнулась и упала – там мох скользкий. Упала и головой ударилась о камень...

– Ты испугалась Большую Рыбу? – удивился Айгур. – Большая Рыба не нападает на людей. Она водорослями питается, мхом прибрежным. Большая Рыба даже мальков и головастики не ест.

– Я знаю. Ты что, думаешь, я дурочка? – Лиэна сотворила на личике гримаску, будто обиделась. – Эта зверюга незаметно подплыла. Как высунет свою страшную морду! Неожиданно... Тут любая бы испугалась.

– Ты так закричала... Наверное, Рыба сама испугалась не меньше, чем ты. Больше она к этому камню никогда не подплывет. И подругам своим накажет.

– Шутишь опять? – спросила Лиэна.

– Какие тут шутки, – серьёзно ответил Айгур. – Давай-ка, я посмотрю, что у тебя с головой.

Узел был завязан туго; парень, помогая зубами, с трудом его развязал. Густые русые волосы Лиэны, заплетенные в тугую косу, уложенную на затылке змеёй, смягчили удар. Крови не было, только большая шишка.

– Ты посиди, – сказал Айгур, – отдохни. Я отполощу бельё, а потом провожу тебя до дома. Когда он закончил с бельём, было уже совсем темно.

К дому, в котором жила Лиэна со своим дедом, Альбором, вела узкая, но хорошо утоптанная тропинка. Айгур в одной руке нёс корзину с бельём, на другую опиралась Лиэна. Неожиданно из темноты выскочило что-то большое и чёрное и преградило им дорогу. Молодой человек выступил вперёд, заслонив своим телом девушку. Появившееся существо грозно зарычал.

– Это Гай. – Лиэна вышла из-за широкой спины кузнеца. – Гай! ко мне, малыш.

Пёс подбежал к хозяйке, виляя хвостом. Это был очень большой и очень лохматый чёрный пёс. В полумраке он казался не просто большим – огромным, величиной с корову. Убедившись, что с хозяйкой всё в порядке, Гай зарычал ещё громче, сообщая, что порвёт любого, кто осмелится подойти к ней близко.

– Гай, это свой, – нежно сказала Лиэна псу. – Его зовут Айгур, и он – мой друг. Запомнил? Друг?.. Друг! Впервые Айгура назвали другом. Мама называла его сыночком, мальчиком своим ненаглядным. Отец не называл никак. Люди, жители родной деревни, называли его горбуном, а за глаза – выродком.

Гай подошёл к парню, шумно обнюхал ноги и отошёл, встал рядом с Лиэной.

– Запомнил его запах? – спросила Лиэна и повторила: – Это Айгур. Айгур – мой друг. – присела, обхватила кудлатую голову Гая. – Дедушка послал тебя мне навстречу, да? Хорошие вы мои. Вы за меня испугались: где это я так долго? А со мной всё в порядке. Ну, пошли. Пошли скорее к дедушке. Бери корзину, неси.

Лиэна взяла из руки Айгура корзину с бельём и дала Гаю. Пес осторожно ухватил зубами витую ручку и чинно зашагал впереди. Казалось, тяжести корзины гигант даже не почувствовал.

– Мы редко отпускаем Гая со двора, – сообщила Лиэна Айгуру. – Люди его боятся. А он только с виду такой грозный. На самом деле, Гай добрый. И очень-очень умный. Он абсолютно всё понимает, все слова... Никогда ни на кого не нападёт. Соседские собаки подойдут к забору, и ну лаять, надрываться. А Гай лежит себе и смотрит на них, на глупых. А надоест смотреть, повернётся и уйдёт в свою конуру.

– У него конура, наверное, как дом, – предположил Айгур.

– Да, большая, – согласилась Лиэна. – Только Гай её не любит. Всё больше во дворе: днём в тенёчке за домом, ночью у ворот.

Дом Лиэны был таким же, как большинство домов в деревне, кряжистый, с высокой остроконечной крышей. В нём горел свет, который пробивался сквозь узкие окна, затянутые плёнкой, сделанной из пузырей Большой Рыбы. Альбор стоял у калитки с факелом в руке, ждал припозднившуюся внучку. Увидев путников, он поднял факел выше и близоруко прищурился, приложив широкую ладонь ко лбу. Лиэна отпустила руку Айгура и бросилась к деду.

– Заждался, миленький дедушка? – защebetала Лиэна. – Не сердись. Со мной приключилась маленькая неприятность, но теперь уже всё позади. Я жива и невредима.

– Ты вся мокрая! – голос у Альбора был хриплый, надтреснутый. – Что случилось?

– Меня напугала Большая Рыба. Я упала в воду и утонула. А Айгур меня спас. Теперь он мой друг.

– Айгур, говоришь? – старик подошёл к горбуну и осветил его лицо факелом. – А, это ты...

Узнал.

Лицо Альбора показалось Айгуру сердитым. Старик смотрел на него с неприкрытым вызовом.

– Ну, что ж, пошли в дом, расскажете ладом, – Альбор резко повернулся и ушёл во двор, оставив калитку открытой.

Лиэна, прикоснувшись к плечу Айгура, тихо сказала:

– Ты не подумай, он добрый.

– Я и не думаю.

– Ты обиделся, – определила Лиэна.

– Да, нет. Я не обиделся. Ко мне все относятся, как к выродку. Так и называют.

– Дед не такой, как все. Он, правда, добрый. У него только внешность, как у злюки. И ещё... он очень любит меня и, наверное, ревнует ко всем... Ну, пошли.

Айгур не тронулся с места.

– Да я, наверное, пойду, – сказал он нерешительно. – Поздно уже.

– Тебя ждут дома?

– Никто меня не ждет. Я один живу. У меня даже животные никакой нет.

– Тогда, почему ты не хочешь зайти?

– Поздно уже. Тебе отдыхать нужно, переодеться, просохнуть...

– Пошли, – Лиэна взяла его за рукав и решительно потащила за собой.

Айгур не сопротивлялся.

Дом Альбора состоял из одной-единственной комнаты, но просторной и хорошо освещённой. В каждом углу к потолку были подвешены горящие лампы. Света добавлял и огонь в камине. Дрова весело потрескивали, наполняя комнату теплом и уютом. В левой половине комнаты стоял крепкий прямоугольный стол с толстыми ножками. Вдоль стен – грубые и массивные деревянные скамьи. Справа – лежанка, застеленная козьими шкурами. Дальняя часть комнаты была отгорожена холщовой занавеской – по-видимому, этот уголок принадлежал Лиэне. Туда она и ушла, задержав за собой холстину и оставив Айгура наедине с дедом.

Альбор молча стоял возле камина, сложив руки за спиной, и в упор смотрел на гостя из-под седых бровей. Этот взгляд нельзя было назвать приветливым, но старик не прятал его, и уже одно только это о многом говорило отверженному горбуну.

Айгур тоже, в свою очередь, изучал внешность Альбора. Старик был худ и сутул, но чувствовалось, что эта худоба и сутулость – меты старости, а в молодости, судя по крепкому костяку, Альбор был высоким, широкоплечим мужчиной, обладающим недюжинной силушкой. Выдающаяся вперед нижняя челюсть, тяжёлые надбровные дуги и крупный нос, изогнутый, как клюв хищной птицы, придавали его лицу угрюмое и, даже, злобное выражение. Взгляд из-под седых бровей был хмур, но внимателен.

Закончив осмотр, Альбор неопределённо хмыкнул. И совсем не понять – не то одобряюще, не то осуждающе. Хмыкнул и, открыв дверцу подпола, спустился вниз по приставной лестнице. Через минуту из подпола высунулась его худая жилистая рука с глиняным кувшином, который вмиг покрылся капельками влаги.

– Поставь на стол, – буркнул Альбор и вновь исчез в подполе.

Айгур поднял кувшин с пола, уловив приятный аромат домашнего абрикосового вина, и поставил на стол, на котором уже стояли два деревянных блюда – одно с ячменными лепёшками, второе, большего размера, с фруктами.

Альбор вылез из погреба, громко стукнув крышкой. В руках он держал бурую, хорошо прокопчённую козью ляжку.

Когда Лиэна вышла из своего уголка – переодетая, с распущенными, для просушки, волосами – Альбор уже строгал мясо широким ножом.

– А мне? – Лиэна потянула носом и смешно подняла брови, изобразив на лице крайнюю степень удивления, указала пальцем на стол, где, рядом с кувшином, стояло только две кружки, взятые Альбором с полки. – А мне вина?

– Брысь, киска, – огрызнулся Альбор и, взглянув на внучку, строго спросил: – Ты почему голову не прикрыла? Как замужняя женщина ходишь. Ишь! Совсем от рук отбилась? Управы на тебя нет?

– Нет управы, – согласилась Лиэна. – Ты же у меня добрый, дедуля. – она чмокнула деда в лысину.

Альбор сокрушенно покачал седой головой:

– Что Айгур подумает?

– А ему так больше нравится, – веселилась недавняя утопленница. – Правда, Айгур?

Парень сидел за столом и широко улыбался. Он молча любовался милым лицом девушки, водопадом влажных русых волос, струящимся по её плечам.

– Ладно, садись. Ужинать будем. – всё-таки, старик взял с полки третью кружку, плеснул в неё вина на два пальца.

Лиэна сидела рядом с дедом, напротив Айгура и, изредка, бросала на него взгляды, от которых сердце кузнеца вспыхивало, как огонь в его кузнечном горне. Девушка рассказывала

Альбору о том, что произошло на берегу Йяки, старик кивал головой в такт словам, и тоже поглядывал на спасителя внушки.

Лепёшки показались Айгуру восхитительными – нежными и ароматными, они, буквально, таяли во рту. Он такие ел в далёком детстве, когда была жива мама. Мясо же, напротив, было сухое и жёсткое, но крепкие зубы Айгура перемалывали его, как жернова перемалывают в муку зерно. Альбор одобрительно смотрел, как Айгур расправляется с копчёной козлятиной, сам он мясо не ел, налегал на лепешки.

– Мясо жевать – зубы уже не те, – пробурчал он.

Лиэна, и вовсе, почти ничего не ела, только немного фруктов, да, и то, вяло, через силу. Даже вино, которое ей удалось выпросить у деда, стояло нетронутым. Она устала и, по-видимому, очень хотела спать, но крепилась, как могла.

– Я пойду, лягу, – сказала она, наконец. – Голова что-то... Вы меня извините. – Лиэна встала, улыбнулась кузнецу, поцеловала деда.

Айгур озабоченным взглядом проводил девушку и тоже встал из-за стола, поблагодарив хозяина за ужин. Альбор поднялся вместе с ним. Он положил руку Айгуру на плечо и сказал, глядя ему в глаза:

– Спасибо тебе, парень, за внушку.

Он вышел с Айгуром за ворота.

– Дать тебе Гая? Он проводит.

– Зачем?

– Поздно уже. Темно.

– Я не боюсь темноты.

– А людей?

Если бы не было так темно, старик увидел бы скорбную усмешку на лице Айгура.

– Людей? Люди избегают встречи со мной, стороной обходят. Встреча с людьми мне не грозит. Да, и спят уже все.

– Ну да, ну да, – согласился Альбор, сказал непонятно: – Страсти улеглись...

Айгур не понял, но спрашивать не стал.

– Ну, иди тогда. Чего не идёшь? – проворчал старик.

– Я попросить хотел: можно я завтра приду? Узнать, как Лиэна себя чувствует. Она ведь головой о камень ударилась, не было бы чего.

– Головой, говоришь? Головы у нас, у Рэгги крепкие.

– Вы сказали: у Рэгги? Значит, вы – Альбор Рэгги!

– Да, – сказал старик. – Я – Альбор Рэгги. Тебе знакомо моё имя?

– Конечно. Вы – друг моего отца и мой спаситель.

– Бывший друг, – уточнил Альбор, – бывший. Теперь у меня нет друга по имени Зван Дигги. Давно уже. С того самого дня, когда он отрёкся от тебя, бросив на произвол судьбы. Тебя, пацана десятилетнего.

Айгур пожал плечами.

– Не считать его своим другом – ваше право, – сказал он, – а я отца не осуждаю. У него *из-за меня* вся жизнь кувырком. И не бросил он меня на произвол судьбы. Когда уезжал из деревни, всё мне оставил – и дом, и кузницу, всё подарил.

– Да не подарил, откупился, – в голосе Альбора звучала горечь. – От совести своей откупился... Как же ты жил, парень? Ты ж совсем малым был, когда батя твой в другую деревню уехал. Десять лет всего...

Айгур пожал плечами:

– Что такого? Ремесло я знал. С ранних лет из кузни не вылезал – смотрел, как отец работает, учился...

– Смышлёный... – Альбор протянул руку для прощания. – Ну, ладно, иди уже. И знай: в этом доме для тебя дверь всегда открыта. Приходи.

Айгур ушёл в темноту, а старик ещё долго стоял у ворот своего дома. Вспоминал.

Факелы. Рёв толпы.

Много факелов, светло, как днём.

Людей к дому Звана Дигги сбежалось много – вся деревня. Не только мужики, баб не меньше. Все с факелами, с палками. У всех злоба в глазах.

Когда Альбор подбежал к дому друга, разгорячённые вином и собственной дикостью, люди уже вламывались в выставленную дверь.

Опоздал, мелькнула страшная мысль.

Разбросав по сторонам столпившихся на крыльце односельчан, Альбор вбежал в дом. Человек семь или восемь, окружив плотным кольцом кого-то лежащего на полу, молотили его изо всех сил палками и пинали. Альбор схватил одного за ворот рубахи, рванул на себя так, что затрепала крепкая холстина, и отшвырнул в сторону. Кольцо снова сомкнулось, но он был уже внутри и принял на себя град палочных ударов.

Альбор вытащил из-за пояса жезл и высоко поднял его над головой. Занесённые для удара палки зависли в воздухе. Лица тяжело дышащих людей, если можно было назвать лицами их звериные оскалы с диким огнем ненависти в глазах, застыли. Люди зачарованно глядели на мерцающий жезл – символ власти Богов. Этот жезл вручался наместнику Богов в долине. Наместник назначался Богами сроком на пять лет. Именно в этот день наместником был назначен Альбор Рэгги. Он только что вернулся из Рая, вместе с прежним наместником, чьи полномочия перешли к нему вместе с жезлом.

– Именем Богов! – хрипло выкрикнул Альбор. – Приказываю всем уйти! Вон отсюда! – и, видя, что люди стоят в нерешительности, двинулся на них с высоко поднятым над головой жезлом.

Люди попятились, в дверях возникла давка.

Посреди комнаты ничком лежало тело Егории, жены Звана. Егория была мертва. Альбор перевернул тело на спину. Под трупом лежал пятилетний горбатый мальчик. Он был без сознания, но дышал. Егория спасла сына, закрыв его своим телом. Альбор взял ребенка на руки.

За спиной раздался шорох. Альбор оглянулся: из-под лежанки вылезал пыльный и трясующийся от страха Зван. Обойдя труп жены, он приблизился к Альбору.

– Спасибо, друг. Ты всё-таки успел.

– Нет, я опоздал.

Зван косо взглянул на распростёртое посреди комнаты тело, присел на лавку, произнес сухо, бесцветно:

– Жалко... Хорошая была хозяйка, – Потом кивнул на сына, которого Альбор держал на руках. – А этот?

– Жив.

– Лучшие бы его... Что я теперь буду делать с этим уродом?

– Уродом?! Да он красив, как Бог.

– Будь проклята эта красота! Она не для нас. Она хуже уродства.

Глава II. Другая жизнь

На следующий день, едва первое солнце начало своё превращение в розовое облако, а второе стояло ещё высоко и было похоже на крупный оранжевый апельсин, Айгур был у дома Рэгги. Лиэна с Альбором возвращались с поля. Гай ожидал возвращения хозяев во дворе, за забором слышалось его громкое дыхание и нетерпеливое пофыркивание.

– Айгур! – радостно воскликнула Лиэна, увидев кузнеца.

Она побежала Айгуру навстречу и бросилась бы ему на шею, если бы сзади не шёл её строгий опекун.

Выглядела Лиэна совершенно здоровой, от вчерашнего недомогания не осталось и следа. Глаза девушки горели ярко, на щеках алел румянец. Сегодня она показалась Айгуру ещё более привлекательной и, даже, красивой.

– Я ждала встречи с тобой, – сказала она тихо, чтобы дед не услышал, и совсем тихо: – Я соскучилась.

– Я тоже, – так же тихо признался Айгур.

– Явился, не запылелся, – проворчал старый Альбор, подходя к ним и открывая калитку. – Ты поосторожнее заходи. Гай к тебе не привык ещё, потрепать может.

Но пес агрессии не проявил, деловито обнюхал вчерашнего знакомого и, даже, не рыкнул, когда тот потрепал его по загривку.

– Ишь, ты! – удивился Альбор. – Видать, признал за своего, – и сказал Айгуру: – Если будешь ужинать, помоги дров наколоть. Или ты думаешь, я тебя бесплатно кормить буду?

Айгур улыбнулся. Он понимал, что ворчит старик беззлобно, просто по привычке.

– Я не голоден, – ответил Айгур, протягивая Альбору корзину с рыбой, прикрытой мокрой травой. – А помогу охотно.

– Что это у тебя там? – спросил Альбор, заглядывая в корзину и раздвигая траву. – Ух, ты! Знатный улов. С утра, верно, бездельничаешь?

– Работы нет совсем, – пожаловался Айгур. – Никто ничего не несёт, никому ничего не нужно. Да ко мне, вообще, редко обращаются. Предпочитают в соседнюю деревню заказы возить.

– Дураки! – в сердцах ругнулся старик. – Рыбку Лиэне отдай. Она приготовит. Что стоишь, как столб?

В дровнике пахло смолой. Большие чурбаки свалены в кучу, наколотых дров совсем мало, видимо, колол Альбор дрова по мере необходимости. Некогда, сейчас всё дневное время уделялось будущему урожаю.

Айгур выбрал колун потяжелее, под свою силушку. В работе мало, кто мог угнаться за Айгуром. Силы у кузнеца было немеряно. Руки, привыкшие к железу, обхватили топориче колуна плотно и жёстко, как рукоять кувалды. Хак! Толстый чурбак разлетается на две одинаковые половинки. Движения чёткие, размеренные, ни одного лишнего, ошибочного. Красиво!

Куча чурбаков уменьшалась на глазах. Айгур колол дрова, Альбор складывал их в аккуратную поленицу. Старик устал быстрее. Он присел на скамейку, вытирал лысину платком, исподлобья смотрел, как ловко орудует кузнец колуном, качал головой – восхищался. Вспоминал себя, молодого. Когда-то и он мог так же. А теперь, вот, сидит, отдыхает – замаялся.

– Здоров ты стал. А когда-то... – Альбор поднял с земли щепку, повертел в руках, отбросил в сторону. – Думал, не жилец ты, уж больно худ был, да бледен. Думал, вслед за матерью своей, за Егорией, пойдёшь.

Айгур аккуратно поставил колун на место, сложил в поленицу не собранные Альбором дрова. Присел рядом на скамейку.

– Альбор, – обратился он к старику, – почему вы спасли меня тогда, двадцать лет назад? Все нас с мамой ненавидели, хотели убить. А вы спасли.

Старик долго не отвечал. Сидел, сгорбившись, рассматривал свои большие ладони, покрытые твердыми мозолями, заскорузлые пальцы с обломанными ногтями. Начал говорить медленно, как бы, нехотя:

– Я свой долг выполнял. Наместником я тогда был, Боги меня наместником назначили. Родом-то я отсюда, из этой деревни. Мы с твоим отцом с малолетства друзьями были. За одной девицей ухаживали, за мамкой твоей. Она меня любила... Да, не Звана – меня. Но не вышло у нас ничего. Забрали меня Боги к себе в услужение, мне, только-только, двадцать стукнуло. И поженили, на ком решили. Желания нашего не спрашивал никто... А Егория меня долго помнила, не выходила замуж, ждала... Потом уговорил-таки её Зван. Только детей у них все никак не получалось. Когда ты на свет явился, Звану уже далеко за тридцать было... – Старик снова надолго замолчал, потом продолжил, проглотив комок в горле. – Если б жизнь по-другому сложилась, *ты* мог сыном моим быть... В ту ночь, когда Егорию убили, мне Верховный Бог жезл вручил и наместником назначил. Я, как положено, клятву прочитал и сюда. А здесь уже факела горят. Год был неурожайный, и мор на скот упал, во всех бедах Егорию обвинили. Не успел я немного, совсем чуть-чуть. Егория в живых бы осталась, жизнь твоя другой была бы... Вот, ты спрашиваешь, почему спас? Понял теперь?

– Стало быть, в том, что я в живых остался, и Божья воля есть?

Альбор поднял глаза на Айгура, посмотрел внимательно.

– Божья воля, – повторил старик и, вдруг ткнул ему в лицо свой кривой палец. – Я удивляюсь, почему они тебя с такой рожей в живых оставили, когда ты только на свет появился. Наверное, не заметили. У них в тот день, когда Егория тебя на свет производила, переполох в Раю случился. Не знаю, что произошло у них, но суеты много было. За переполохом, суетой и просмотрели. А потом... – Альбор усмехнулся: – А кто им скажет? Они же с людьми не разговаривают. Только со слугами, да с наместниками. А наместником до меня мой брат двоюродный был. Я его упросил не рассказывать. Вот такая... ситуация.

– А что такое «ситуация»? – удивился Айгур незнакомому слову.

– Не знаю, как это на человеческий язык переводится. Говорят так. Боги говорят. Я, когда у Врат Рая проживал, много словечек разных запомнил.

Разговор был прерван появлением Лиэны. Она стояла на крыльце и звала мужчин ужинать.

– Пошли, – приказал Альбор. – Будет еще время, поговорим...

Жизнь Айгура круто изменилась.

Он избавился от одиночества. Отверженный горбун обрел семью.

Сил у старого Альбора оставалось немного и, поэтому, молодой человек взвалил на свои плечи всю тяжёлую работу по хозяйству. Он привел в порядок и отремонтировал дом и надворные постройки, поправил забор, вырыл новый колодец и выгребную яму. Бывал с Альбором и с Лиэной в поле. Полевая работа была для кузнеца в новинку. Работая кузнецом, Айгур получал хлеб и овощи в обмен на свой труд. Хозяйства он никогда не вёл, не имел ни скотины, ни огорода. Если простаивал без работы (такое случалось нередко), уходил в лес на охоту или ловил рыбу в Йяке. Тем и бывал сыт. Работая с Альбором в поле и на огороде, Айгур познал тяжесть крестьянского труда: он жал хлеб, вскапывал грядки, воевал с сорняками.

В свою кузницу Айгур захаживал всё реже и реже, а, вскоре, и совсем перестал там появляться. Огонь в кузнечной печи погас навсегда...

Каждый вечер, закончив работу, дед и внучка Рэгги и Айгур садились за стол, ужинали, беседовали. Говорили о многом.

Все контакты Айгура с жителями деревни ограничивались лишь тем, что изредка в кухню приходил кто-нибудь, не глядя на кузнеца, говорил, что надо сделать, и уходил. Ещё менее разговорчивым заказчик был, когда забирал предмет, изготовленный кузнецом. Такая жизнь была скучна и невыносима. Работа не приносила Айгуру удовлетворения, несмотря на то, что ремесло свое он знал довольно хорошо и, в общем-то, любил. Предметы обихода и сельскохозяйственные инструменты, сделанные его руками, служили хозяевам долго, были прочными и красивыми. Но ни разу он не услышал слов похвалы в свой адрес, ни разу не увидел благодарности в глазах заказчиков. Никто не разговаривал с ним, и не желал его слушать.

Теперь его жизнь изменилась.

Айгур был счастлив, впервые за долгие годы одиночества после смерти матери. Он был счастлив, потому что ощущал себя нужным этим людям – Лиэне, старику Рэгги. Они считали его равным себе. Они говорили с ним, рассказывали о своей жизни, сами внимательно слушали его рассказы. Собственно, рассказывать о своей жизни Айгуру было, практически, нечего. А, вот, вопросов у него накопилось много. За те двадцать пять лет, которые он прожил почти в полной изоляции, не имея возможности общаться со своими сверстниками и с людьми старшего возраста, более опытными и мудрыми, ему ничего другого не оставалось, как самому пытаться разобраться во всём, самому ответить на мучавшие его вопросы. Но далеко не на все вопросы Айгур смог найти ответы.

Альбор стал для него первым и единственным учителем. Жизненный опыт старика был большим, если не сказать – огромным, Айгуру казалось, что тот может ответить на все его вопросы. Однако, это было не так. В основном, вопросы горбуна были лёгкими, порою, наивными, но некоторые ставили мудрого Альбора в тупик. На эти сложные вопросы сам Альбор искал ответы всю свою жизнь, и ответить не смог.

– Кто такие Боги? – спросил как-то Айгур. – Зачем они?

– Боги берегут нас от болезней и бед всяческих, – процитировал Альбор строчку из Законов Божьих. – Боги дали нам скот и живность – мелкую и крупную, землю для выращивания плодов и злаков, лес для охоты на зверя, реку для рыбной ловли. Боги научили людей ремёслам, дали в руки инструменты. Люди за то должны почитать Богов и верными быть до смерти своей...

– Так в Законах Божьих сказано, – заметил Айгур.

– В них, – согласно кивнул Альбор и вздохнул.

– А кто Законы Божьи придумал?

– Сами Боги и придумали. А нам Законы эти Учителя передают. Они их все наизусть помнят.

– А кто такие Учителя?

– Слуги Божьи, – ответил Альбор. – Их Боги из самых умных слуг подбирают, из тех, у кого память хорошая. Меня тоже хотели в Учителя определить, да передумали, заместником сделали. Да я тебе рассказывал, что пять лет с жезлом проходил.

– Выходит, что Боги свои Законы придумали, а мы должны знать и соблюдать их?

– Выходит, что так.

– И мы обязаны верить, что в жизни всё так, как сказано в Законах Божьих? Что Боги берегут нас от болезней и бед всяческих?!

– А ты не веришь? – спросил Альбор.

– Не верю! – воскликнул горбун. – Почему Боги не уберегли твою семью от беды? Почему твой сын, жена и невестка сгорели заживо в огне? Почему Боги не вмешались, когда маму мою убивали?

– В Законах Божьих сказано, что так Боги карают людей за непослушание и грехи, – спокойно ответил Альбор.

– Непослушание?.. Грехи?! – возмутился Айгур. – А в чём мать моя покойная грешна была? Я маленький был, конечно, всего не знаю. Но помню: мама всегда Богам благодарна была, молитвы читала, в верности клялась. Она верила им, а они... – Айгур сжал кулаки так, что хрустнули пальцы. Помолчав и немного успокоившись, продолжил: – Прикрылись своими законами и сидят себе в Раю, не ведают, что у нас тут и засухи бывают, и падёж скота, и несчастий всяких много. Недавно Кир Горри, староста наш, помощник наместника Богов, утонул в Йяке, а уж набожнее и праведнее его не было человека...

– На все воля Божья, – машинально ответил Альбор.

– А кто им волю эту дал? – спросил Айгур и сам же ответил на свой вопрос: – Сами себе её и дали.

Альбор задумчиво глядел на огонь, пылающий в камине. Кузнец своими вопросами всколыхнул в душе старика его прежние бунтарские мысли.

Альбор долго служил Богам у Врат Рая, был конюхом, посыльным, позже стал наместником Богов в долине. Он не стремился к такой службе, Боги выбрали его, приглянулся, видать, Альбор Богам своей угрюмой, злобной физиономией. Находиться долгое время рядом с Раем и не изучить его обитателей было невозможно. Боги были не особенно многословны со своими слугами, но, разговаривая между собой, они не остерегались, считая, по-видимому, что люди не в состоянии вникнуть в суть их разговоров. Но те обрывки фактов, понятий и знаний, что Альбору удавалось подслушать и подглядеть, объединились в его голове в нечто целое, и он кое-что – конечно, не всё, но многое – смог понять.

Все Боги принадлежали к разным кастам, каждый – к своей. Каст было пять: каста Хранителей, каста Законников, каста Воинов, каста Медиков и каста Технарей.

Главной кастой была каста Хранителей. Их еще называли «неприкасаемыми». Что охраняли Хранители, и почему к ним нельзя было прикасаться, Альбор не очень отчетливо понял, но их главенство было неоспоримым. Одевались Хранители в лиловые мантии, если же на них были латы, то плюмажи на шлемах своим цветом указывали на их принадлежность к касте Хранителей. Хранители редко покидали Рай, город, устроенный внутри южной части горного массива, ограничивающего долину, опять же, с юга. Из членов этой касты выбирался Верховный Бог. Ему подчинялись все остальные Боги, не только Хранители, но и Законники, и Воины, и Медики с Технарями.

Законники рядились в зелёное. Латы они тоже надевали, но не часто. Законники отбирали из числа слуг Божьих будущих Учителей, заставляли их заучивать наизусть параграфы Законов Божьих и варианты молитв. Потом рассылали их по деревням. Каждый год Учителя прибывали к Вратам Рая для проверки. Законники спрашивали с них строго, не забыл ли кто чего, не переврал ли. Приказывали слугам пороть нещадно тех Учителей, которые грамоту Божью забывали. А после порки их в слуг обращали, а на их место других Учителей отправляли.

Воины носили латы или лёгкие кольчуги. На шлемах – плюмажи яркие, как хвосты петушиные, на плечах – ярко-алые плащи с белой изнанкой, отороченные чёрным мехом. Все члены этой касты оружием владели виртуозно, днём и ночью доносились до слуг Божьих звон мечей с площадки над Вратами Рая. Из слуг Божьих отбирались особо крепкие мужики, их Воины обучали держать в руках оружие: боевые мечи, кинжалы, пики, топоры и булавы и тренировались на них. Таких слуг называли куклами. У каждого Воина был свой конь. На этих конях они разъезжали по долине – следили за порядком, собирали налог, карали смутьянов и воров, сопровождали повозки, идущие к Вратам Рая. Каста Воинов была самая многочисленная.

Далее шла каста Медиков. Это к ним привозили рожениц со всей долины. Медики редко выходили из Рая, только встречали рожениц. Или больных. Болели люди редко, и умирали только от старости да от несчастных случаев, но, всё же, болели иногда. Обычно, тех, кто боль-

ным приезжал, выпускали из Рая исцелившимися. Кого через недельку, кого через месяц, а то и больше. Но иногда болезный не возвращался. Редко, но бывало. Родственникам Медики сообщали, что больной исцелился, но остается работать слугой в Раю. Однако, *таких* исцелённых Альбор среди слуг божьих не встречал.

Остальные Боги входили в касту Технарей. Про них Альбор ничего не знал. Видел, только, изредка, одетых во все чёрное.

Все Боги были разные, по-разному одевались, разные дела делали. Функции! Альбор вспомнил это слово. Функции у Богов были разные. Объединяла их только холодная божественная красота лиц и безгловое выражение на них, когда Богам приходилось разговаривать со слугами и другими простыми людьми.

Эта безгловость была непонятна Альбору. Ведь они – Боги и Богини – назывались и, по сути, являлись их защитниками и благодетелями, отцами родными и матерями, и про то было сказано в Законах Божьих. Почему же отцы и матери не любят собственных детей, безгловы ими? Альбор часто и подолгу размышлял на эту тему, вычищая конюшни, задавая корм лошадям, расчесывая их гривы, шоркая жесткой щеткой по лоснящимся бокам и спинам животных. Ответ пришёл сам собой: Боги были хозяевами людей. А заботились они о людях по совершенно простой причине – люди были Богам *нужны*. Хозяева должны заботиться о своих рабах, иначе рабы станут слабыми, и не смогут работать. Как лошади, за которыми ухаживал Альбор. Как быки.

Всё становилось на свои места.

Боги – хозяева, люди – слуги, независимо от того, где они живут и что делают, являются ли они слугами Божьими или простыми крестьянами. Люди работают на своих хозяев, а Боги следят за тем, чтобы их рабы хорошо работали и держат людей в повиновении при помощи Законов, которые для того и придуманы.

Старик был поражён вопросами юноши и теми выводами, которые Айгур сделал самостоятельно. Ему, Альбору Рэгги, прожившему долгую жизнь, более двадцати лет из которой он находился в непосредственной близости от Врат Рая. Пребывая рядом с Богами, наблюдая за ними, ему потребовалось очень много времени, чтобы сделать аналогичный вывод. А Айгур, ни разу не видевший Богов, которому не с кем было даже словом обмолвиться за всю свою недолгую одинокую жизнь, всё понял сам.

Альбор рассказал Айгуру всё, что он знал о Богах. Айгур слушал внимательно, не перебивал старика. Лиэна тоже слушала рассказ деда.

– Дедуля, – попросила она, когда старик закончил, – а расскажи Айгуру о Вельзевуле. Ты слышал эту легенду? – спросила она у Айгура.

Айгур отрицательно покачал головой.

– Расскажу, – пообещал Альбор. – Только не сейчас, поздно уже. Завтра вставать рано. Погода скоро портиться станет, а урожай ещё не весь собран. Вот, как снимем последний колосок, тогда и бездельничать начнём. Будет у нас много времени свободного, расскажу.

Айгур встал, собираясь уходить.

Старик усмехнулся в седую бороду, увидев, как скуксилась внучка, вот-вот расплчется. Он уже давно заметил, что молодые равнодушны друг к другу, видел взгляды, которыми они обменивались, слышал их слова ласковые. Наблюдал, как тоскует девушка, когда Айгура долго нет, как ждёт каждое утро у калитки – не идёт ли? Замечал, как моментально меняется настроение Лиэны, когда парень приходит – щебетать начинает, словно пташка.

О внучке Альбор Рэгги думал:

«Молода ещё, весной семнадцать только исполнится. Ну, так что ж? Семнадцать лет – немного, конечно, но девицы в долине рано замуж выходят. А Айгур – парень неплохой. Работящий, сильный. Удачами и женским вниманием не избалованный. Опять же, кузнец – дело

своё, всегда нужное. Такому легко будет хозяйство вести, дом в порядке содержать. Лучшего жениха Лиэне не сыскать. Через год, следующей осенью, можно будет и свадьбу справить»

Но...

Видел мудрый старик в глазах кузнеца огонь неукротимый, знал: не будет Айгуру счастья ни с Лиэной, ни с любой другой, пока не сделает он того, что судьбой предопределено. Недаром этот парень на свет таким появился, ох, недаром. Другим, не таким, как все. У Айгура не только лицо чистое, без изъянов, у него и мысли иные – свободные и дерзкие. Не дадут ему мысли эти жить тихо и покорно, как другие крестьяне живут, не дадут наслаждаться теплотой, уютом и размеренностью семейной жизни...

– Я завтра прямо на поле приду, – сказал Айгур. – К завтраку не ждите.

– А может, тебе здесь постелить? – спросил Альбор. – Места хватит.

– Нет, – отказался Айгур. – Пойду. Спасибо. Я один побыть хочу. Подумать. Много всего я сегодня узнал.

– Я провожу тебя. – Лиэна накинула на плечи тёплый платок из козьей шерсти...

День клонился к первому закату.

Айгур стоял на краю убранного поля и задумчиво глядел в розовеющую даль, куда-то за тёмную полоску скал. Он не слышал, как сзади подошёл Альбор, и вздрогнул, когда прозвучал вопрос старика:

– О чём задумался, сынок?

Айгур повернулся: Альбор глядел на него странно, испытующе.

Лиэна ушла с поля раньше, чтобы приготовить ужин. Сегодня они сжали всю пшеницу, на поле стояли золотистые снопики, ожидающие обмолота. Урожай был добрый, хватит и на Божью долю и на зиму и на следующую посевную. Ещё, и останется.

– Не знаю...

– Как так? Ты думаешь о чём-то, и не знаешь – о чём?

– Я не знаю, как сказать, как объяснить.

– А ты попробуй. Я помогу.

Айгур наклонился, поднял с земли поломанный колосок.

– Вот, – сказал он. – Вот пшеница. Весной из зёрнышка, посаженного в землю, вырастает маленький зелёный стебелёк. Он растёт, вбирает в себя жизненные соки земли, а осенью, превратившись в колос с зерном, умирает, чтобы дать пищу людям. Человек, как этот колосок. Он рождается, растёт, взрослеет и тоже умирает. Зачем?

– Зачем умирает?

– Нет, – Айгур усмехнулся и с какой-то затаённой, но вдруг вырвавшейся из глубины души болью, спросил: – Зачем живёт?

Альбор задумался над вопросом юноши.

– Трудный вопрос ты задал, сынок, – промолвил он после некоторого молчания. – Зачем живёт человек? Живёт, чтобы жить. Жить и работать. Чтобы видеть это небо и эту землю. Чтобы любить и рожать детей...

– И, чтобы рождённые им дети видели небо и землю, работали, любили и рожали ему внуков?

– Да. А разве этого мало? Пока ещё много дичи в лесу, много рыбы в Йяке, плодородна земля, тучны стада. Разве тебе этого мало?

– Мало! Мы же люди, а не животные, чтобы думать только о пропитании и оставлять потомство. Моя мать и мой отец жили так. Я так живу. И мои дети, и дети моих детей будут жить так. Ничего не меняется. Всё остаётся таким, как было сто лет назад, как было всегда. Всё останется на многие века. Это неправильно. Так быть не должно!

Альбор любовался порывом юноши. Айгур был взволнован, глаза его горели, кулаки сжаты.

– Мне мало этого! Я не верю, что земля, на которой мы живем, – Айгур указал рукой на расстилающуюся под ногами долину, – это единственный мир. Мне снится по ночам, что я стою на вершине скалы и вижу, что там, за горами, живут люди. Другие люди! Я не вижу их лиц, не знаю, какие они, но это другие люди. У них большие и светлые дома, они ездят по чёрным прямым и гладким дорогам на странных повозках без быков. Кругом цветут яркие цветы, вода бьёт из-под земли. Там много детей, и все дети звонко смеются. Эти люди счастливы.

Айгур замолчал.

– Но это только сны, – сказал он позже. – Просыпаюсь и вижу: тот же лес, та же Йяка, те же хибары...

– Ты думаешь, что за голубыми горами живут другие люди? – спросил его Альбор.

– В Законах Божьих сказано, что долина, где живут люди и Рай, где живут Боги – это единственный мир. За горами хаос и смерть.

– Ты веришь Законам Божьим? – спросил старик.

Знал, что Айгур ответит, испытывал.

– Не верю.

– А что нужно сделать, чтобы проверить это?

– Что?

– Пойти и убедиться.

Айгур удивлённо посмотрел на старика.

– Вы хотите, чтобы я пересёк кольцо гор? – спросил он.

– Это не я, – покачал головой старик, – Этого ты хочешь.

– Но я...

– Пошли, – сказал Альбор. – По дороге домой я расскажу тебе легенду, которую обещал рассказать.

– Легенду о Вельзевуле?

– Или о Боге чёрном, летающем, так его ещё называют...

Шли медленно, молча. Айгур терпеливо ждал, когда старик, наконец, приступит к рассказу.

– Легенда о Вельзевуле и Слове его корнями в далекую древность уходит, – начал Альбор. – Правда в ней или это всё выдумка людская – того не знаю. На то она и легенда. Её мне мать моя рассказывала, когда я мальцом был. Один раз только рассказала, но я навсегда запомнил. А другие, думаю, и имени такого – Вельзевул – не знают.

– Почему? – удивился Айгур.

– Да потому, что им не рассказал никто. Боятся люди Божьего гнева.

– А вы не боитесь?

Старик грустно усмехнулся:

– Я уже своё давно отбоялся. Да и, сдаётся мне, время пришло... Слушай, Айгур, легенду о Вельзевуле, о Боге чёрном, летающем, и о Слове его.

Был Вельзевул Богом, жил в Раю. Всё у него было – и яства, и вина разные, одежды богатые. Только другого он хотел, чего именно – то теперь неизвестно. Неугоден он стал своим согражданам. Дерзким нравом и словами, которыми он других Богов поносил и увещевал. Хотел Вельзевул бунт устроить, против Верховного Бога пошёл. Но пойман был и заколдован. Вроде, как умер, а вроде, и нет. Исчез Вельзевул со света белого, а раз в сто лет воскресает, но живёт недолго, несколько дней и ночей всего. Воскреснет в воздухе – чёрный весь – и спускается на землю, как птица, как чёрный ворон – на крыльях. Опустится и к людям идёт, в Рай-то жить его не пускают. К людям придёт, и Слово своё говорит. Слово богопротивное. Говорит,

что Боги – карлики и карлицы. Уроды, страшней которых нет. Божественные лица их – маски красивые, а тела – кривые и косые – спрятаны под искусно сделанными одеждами. Боги в Рай рожениц потому забирают, что там новорожденных калечат, уродами их делают, похожими на них настоящих. И в головы детские червей специальных запускают, чтобы те за мыслями людей следили, и не позволяли против Богов думать.

Еще говорит, что за горами другие Земли лежат и в них люди живут, все красивые, как Боги, но Богов у них нет. И жизнь у тех людей совсем другая – мудрая и интересная. Они живут в домах больших, прозрачных. Может, в таких, что ты в снах своих видел. В этих домах тысячи людей живут. Дружно, никто ни с кем не ссорится, и не делит ничего. Всем всего хватает, земли много. А, кроме земли, там реки большие есть. Очень большие, шире Йаки – противоположного берега не увидеть. По тем рекам большие лодки ходят. На лодках дома построены. А путешествуют люди не только по земле и по воде, но и по воздуху. У них специальные летающие повозки есть. Вот, и летают они на них так далеко, что и не видно, куда улетели...

Айгур зачарованно слушал старика. Легенда о чёрном, летающем Боге, о его Слове, говорящем о других землях, была так похожа на его ночные видения! А рассказ о карликах, живущих в Раю и уродующих детей, рожденных людьми? Хотелось верить, что всё именно так и есть...

Альбор замолчал.

– А дальше что? – нетерпеливо спросил Айгур. – Люди когда-нибудь пытались проверить Слово Вельзевула? Искали дорогу через синие горы?

– Находились смельчаки, – ответил Альбор. – Один на моей памяти был. Давно, правда. Мне тогда лет десять было. Ходил тот человек по деревням, Слово Вельзевула повторял, товарищей в дорогу искал. Не нашёл себе товарищей, никто с ним идти не согласился. Тогда он один в горы отправился. Ушёл и сгинул. Дошёл ли до гор? Неизвестно... Может быть, его Боги ещё по дороге схватили. Наместник Богам о нём сообщил. Конный отряд в деревню прискакал, всё перевернули, того смельчака искали. Не нашли, к горам поскакали.

– А потом? А раньше?

– Потом не нашлось никого смелого. А раньше, рассказывают, были. Ходили в горы, только не нашли никакой дороги. Говорят, эта дорога не каждому открывается.

Альбор надолго задумался. Ведь он сам хотел идти в горы. Хотел, но так и не решился. Всё откладывал, выбирал подходящий момент. А жизнь на месте не стояла, окутывала его своей прочной паутиной, привязывала к дому. Женили его рано, сын родился. Всё время на виду у Богов, куда уйдёшь? Потом сын вырос, молодую жену в дом привёл. Внучка родилась, второго ждали, надеялись: мальчик будет. А потом несчастье случилось: в огне погибли и жена, и сын с невесткой, и внук второй, неродившийся. Один остался с маленькой Лиэной на руках. Тут, уж, и вовсе – конец всем мечтам, жить нужно было как-то, внучку растить.

Они уже подходили к дому.

– Мне откроется, – сказал Айгур неожиданно. – Я найду дорогу через горы.

Альбор остановился и внимательно посмотрел на горбуна.

– Риск большой, – сказал он. – Понимаешь ли, на что идёшь?

– Понимаю. Но, иначе, мне жизни не будет.

– Можешь не вернуться, – пытался отговорить его Альбор, но в душе уверен и даже рад был: должен Айгур идти. Только ему дорога откроется.

– Если не вернусь, – грустно сказал юноша, – стало быть, судьба такая. А вернусь... – посмотрел на Альбора пристально: – Отдадите, уважаемый Альбор, внучку за меня? Люблю я её, давно уже люблю. Считаю, сразу, как увидел...

– Знаю, что любишь, – проворчал старик. – И она тебя тоже. Старика не обманешь. Да и дед я ей – родная кровь. Чувствую... Ты возвращайся. Вернёшься – свадьбу сыграем. Ты для меня за эти дни всё равно, что сын родной стал... За Лиэну не беспокойся. Сберегу её для

тебя. Я, конечно не молод уже, но помирать вскорости не собираюсь. Мне ведь шестьдесят с небольшим всего, просто выгляжу таким старым.

Глава III. Перевал

По дороге, ведущей к Вратам Рая, Айгур шёл ночью. Пробирался тихо и осторожно, придерживаясь обочины. Часто останавливался и прислушивался, вглядываясь вдаль и осматриваясь по сторонам. Гай вперёд не вырывался, следовал у левой ноги горбуна, как приклеенный. Останавливался Айгур – и Гай останавливался. И тоже прислушивался. Потом заглядывал в глаза новому хозяину, умно так, словно хотел сказать: пошли, мол, дальше, тихо всё, я же чую.

С рассветом Айгур выбрал место поукромнее, где деревья росли гуще, и кусты высокие. Огонь разводить не стал, боялся, что дым замечен будет. Откуда здесь дыму взяться – места безлюдные. Охотничьи угодья на севере и далеко на западе долины, а Йяка, хоть и текла с юга на север, в этом месте большой загиб на восток делала. Так, что, человеку без особой нужды тут делать было нечего.

Перекусили всухомятку – лепёшками и копчёной козлятиной. Айгур добавил к скудному обеду пару крупных яблок, которых здесь было полно. Гаю подобная трапеза показалась скудной, он грустно понаблюдал, как Айгур хрустит яблоками, встал, отряхнулся и исчез в кустах. Через часок вернулся, держа в зубах задушенного кролика. Положил его к ногам нового хозяина, посмотрел вопросительно.

– Спасибо, дружище, – сказал Айгур. – Это твоя добыча. Ешь сам.

Гай не стал себя упрашивать, сожрал всё до крошки, только пуха немного осталось. Сытый, завалился спать до вечера.

...Взять Гая с собой Айгура уговорила Лиэна.

– Да, пойдет ли он со мной? – спрашивал Айгур. – Как он хозяйку свою бросит?

Лиэна опустила на корточки, обхватив пса за мощную шею. Что-то говорила ему ласково, тихо, чтобы слышал только он, что-то объясняла, доказывала, изредка кивала головой, указывая на Айгура. Гай слушал внимательно, казалось, он понимает все слова хозяйки. Когда Лиэна закончила говорить и поднялась, похлопав его по задку, Гай подошёл к Айгуру и встал рядом. И больше не отходил от нового хозяина ни на шаг. Разве, что, на охоту один раз сбегал...

Вечером снова отправились в путь.

К середине ночи Гай, не издавший доселе ни единого звука, глухо утробно зарычал. Видимо, почуял что-то. Айгур пока ничего не слышал, но знал: горы близко. Чудо Богов светило ярко, и они старались держаться в тени деревьев. Взойдя на пригорок, Айгур увидел вдалеке селение слуг Божьих, освещенное лучами Чуда, и до его слуха донесся лай собак.

Дальше их путь лежал в сторону от дороги. Подумав, Айгур свернул направо, на запад.

К утру они достигли подножья Голубых Гор. Но останавливаться не стали, пошли дальше; Айгур высматривал место, подходящее для восхождения – лощину, овраг или менее крутой склон. Перекусывали на ходу лепешками. Одну Айгур клал себе в рот, другую бросал псу. Тот ловко ловил подачку и глотал, не жуя.

К середине дня удобное место было найдено – широкое ущелье поднималось полого, уходя вглубь горного массива и теряясь в дымке.

У основания ущелья нагромождение обломков скал образовало некое укрытие наподобие пещеры, где Айгур решил провести остаток дня и ночь перед восхождением. Рядом с укрытием протекал быстрый ручеек с холодной ключевой водой.

Временное их жилище оказалось небольшим и уютным. Стены и пол, поросшие мягким ворсистым мхом, были сухими и тёплыми. Два валуна сверху, исполняющие роль крыши, лежали неплотно друг к другу, образуя длинную узкую щель, через которую пробивались лучи солнца.

Айгур сбросил с плеч дорожный мешок и занялся поклажей Гая. Собачья ноша по весу не уступала мешку Айгура и была привязана к широкой спине пса кожаными ремнями. Едва Гай освободился от ноши, он выбрался из пещеры и исчез в густых зарослях высокого кустарника. Отправился на охоту, догадался Айгур. Парень приготовил себе постель, наломав огромную охапку душистых веток, и застелив её куском холста. Сухих сучьев для костра вокруг было достаточно, и вскоре жаркие языки пламени уже лизали днище медного котелка. Воды Айгур набрал из ручья.

Гай вернулся быстро. В его зубах билась крупная птица. Как и в случае с кроликом, Гай положил охотничий трофей у ног хозяина, и вопросительно посмотрел ему в глаза. На этот раз Айгур принял добычу Гая, потрепав пса по загривку и похвалив его за усердие в вопросе пропитания. Потом принялся готовить еду.

Пообедали и поужинали одновременно. Похлебка из птицы, сдобренная крупой, взятой из припасов, и росшим у порога пещеры диким чесноком и пряными травами была навари-стой, а мясо, хоть и не отличалось достаточной нежностью, но хорошо пахло и было весьма приятным на вкус. А с зубами ни у пса, ни у человека никаких не имелось. Ели из одного котелка: сначала Айгур, потом – когда похлебка остыла – Гай. Пёс вылизал котелок до блеска – мыть не надо.

После ужина Гай улегся у догорающего костра и, положив тяжёлую голову на передние лапы, задремал. Уши его чутко вздрагивали при малейшем шорохе. Четвероногий друг изредка приоткрывал глаза, и в них отражалось рыжее пламя костра. Собачий мозг безошибочно определял потревожившие его звуки: вот хрустнула ветка под хозяином, вот, глухо хлопая крыльями, пролетела над пещерой птица. Дробные торопливые шажки мелкого зверька, недалеко от входа. Зверёк остановился, постоял у входа, принюхиваясь к незнакомому запаху. Дальше побежал – из кустов выбежал, в кусты же и шмыгнул. Опасных звуков нет. Гай, успокоенный, засыпал снова.

Айгур уснул сразу. Во сне он увидел Лиэну.

Девушка стояла на вершине горы и манила его рукой, подзывая к себе.

«Как она туда забралась? – подумал Айгур, – высоко же, упасть может!..»

Гора была скользкая, вся покрыта сверкающим голубым льдом. Лиэна стояла на скользкой вершине и весело смеялась, маня его. Айгур стал карабкаться вверх. Его ноги скользили по обледеневшему камню.

Вдруг за спиной раздался хлопок.

Это раскрылись крылья. Крылья прятались там, в горбу! Оказывается, они были там всё время, а он и не знал об этом.

Крылья раскрылись, Айгур взмыл в небо.

Он подлетел к Лиэне.

Обхватив её за тонкую талию, взлетел выше.

Они летели над горной страной. Впереди светило яркое солнце.

Они летели вперед, к солнцу. Горная страна отошла назад.

Внизу расстилалась цветущая долина. Море цветов. Яркие: алые, белые, розовые и оранжевые, как солнце.

Но цветочная долина вскоре закончилась. Теперь они с Лиэной летели над большой водой. Вода сверкала, освещённая ярким солнцем. По воде плывёт лодка. Большая. И на ней люди. Сверху они кажутся маленькими, как муравьи.

Люди поднимают головы и показывают на них, летящих в небесах.

Люди внизу, их лиц не видно.

Не понять, какие они, но Айгур знает: они добрые, они не желают им зла. Они готовы принять их с Лиэной в свою компанию. Айгур начинает снижаться. Он летит к ним. Люди ждут его.

Его и Лиэну.

Айгур проснулся. Щель в потоке и вход в пещеру светлели, становились серыми. Приближалось время рассвета.

Гай спал рядом, перебравшись к Айгуру под бок. Он громко храпел, как человек, и, как собака, фыркал во сне, побрасывая выдыхаемым воздухом свои брыли. От пса шло тепло, как от печки.

Айгур немного отодвинулся и, закинув руки за голову, стал смотреть в потолочную щель. Он обдумывал свой сон, и вспоминал расставание с Лиэной.

– Я должен идти, – говорил он. – Я не могу не идти.

– Я знаю, – грустно отвечала она. – Знаю, что ты должен идти, и не хочу, чтобы уходил. Я так привыкла к тебе, Айгур. Я привыкла, что ты всегда рядом. Как я буду без этого? Без тебя?..

– Я должен идти, прости...

– Я знаю, – повторила Лиэна. – Я буду ждать тебя, Айгур. Очень сильно буду ждать. Очень-очень...

Глаза, полные слез, закрылись, и по щекам девушки потекли вытесненные веками слезинки. Айгур привлёк Лиэну к себе. Стал целовать её глаза и мокрые щёки, чувствуя на губах соль её слез.

Гай деликатно отошёл на несколько шагов, сел на землю и стал смотреть в сторону.

– Я люблю тебя, – прошептала Лиэна.

– И я очень люблю тебя! Я так счастлив, что мы встретились... Прости, что я ухожу... Но я вернусь, обещаю тебе! Я обязательно вернусь. И мы будем счастливы! Ты веришь мне?

– Верю. Я буду ждать тебя. Всегда. Всю жизнь...

Гай заворочался, вскинул голову, оглянулся через спину на Айгура. Взгляд умных карих глаз говорил: «Я не сплю. Я тебя всю ночь охранял!»

Айгур потрепал Гая по загривку.

– Ну, что, дружище, – сказал он, – пора в путь? По горам мне лазать ещё не приходилось. А тебе?

Если бы Гай был человеком, он бы сказал:

– А как насчёт завтрака, хозяин? Натощак в горы лезть как-то... не весело.

Вначале по пологому ущелью идти было легко. Дно было ровным и твердым. Гай, казалось, потерял бдительность, он забегал вперёд, возвращался, снова убегал. Пёс даже позволял себе изредка гавкать, призывая хозяина идти быстрее.

– Силы береги, – кричал ему Айгур, но пёс не слушал, ему было радостно и привольно.

Айгур понял, что Гай не чувствует близости людей и животных.

Вскоре на их пути стали встречаться языки каменных осыпей. Айгур перепрыгивал с одного большого валуна на другой. Гаю пришлось поубавить свой первоначальный пыл. Он тяжело дышал, высунув длинный розовый язык, пробираясь через каменные преграды. А дальше стало ещё труднее – подъём пошёл круче, и Гай совсем запыхался.

К середине дня они подошли к развилке. Перед тем, как принять решение, по какому рукаву ущелья идти, устроили привал.

– Ну, что? – спросил Айгур, когда они поели копченой козлятины и попили ключевой воды, взятой из ручья. – Куда направимся – направо или налево?

Гай склонил голову набок, бросив на Айгура вполне осмысленный взгляд. Потом, сделав выбор, повернулся и решительно двинулся направо. Айгур улыбнулся и пошёл следом.

В этот день они поднялись на половину высоты Голубых Гор. Вторая половина пути обещала быть трудной: горы стали круче, а на вершинах белели гигантские шапки снега. Айгур никогда не видел столько снега. В долине его выпадало мало, и лежал он недолго, раздуваемый ветром по всей поверхности земли и очень быстро превращаемый солнечными лучами в лужи. В некоторые зимы снега вообще не бывало: небо серело и на землю падали мелкие льдинки. Падали и тут же таяли.

С наступлением темноты заметно похолодало. Выбирая место для ночлега, Айгур осматривался в поисках, хоть какого-нибудь, топлива, но ничего подходящего не находил; в местах, где они оказались, практически, не было растительности – ничего, кроме мха-лишайника. Лишь изредка попадались чахлые кустики с длинными острыми шипами, прочно вцепившиеся в трещины скал. Такое топливо для костра совершенно не годилось – тонкие веточки сгорят вместе с шипами за пару мгновений, не дав тепла. Но, невзирая на ночную прохладу, разводить костер из дров захваченных у подножья гор Айгур не стал, решил поберечь скудные запасы топлива на будущее. Предстоящая ночёвка на перевале обещала быть куда более суровой, чем эта. И путь до неё виделся нелегким. Там, впереди, путников поджидали снег, холод и пронизывающий ледяной ветер.

Гаю мороз был не страшен: его густая шерсть не давала холоду добраться до тела. Пёс позволил Айгуру тесно к нему прижаться, и запустить озябшие пальцы в меховую шубу. Так, согревая друг друга, они скоротали свою первую ночь в горах.

Под утро окоченевший Айгур поднялся и принялся плясать, разминая заокочевшие руки и ноги, разгоняя кровь по телу. Он приседал и подпрыгивал, размахивал руками, крутил головой, кричал. Гай недоумённо наблюдал за движениями хозяина, потом, решив, что Айгур решил с ним поиграть, запрыгал вокруг него и весело залаял. Этот лай мог напугать кого угодно – он был глухой и басовитый, как у всех крупных собак. А Гай был не просто крупным псом, он был гигантом среди своих собратьев.

Позавтракав так же скудно, как и поужинали, но, спалив, всё же, несколько бревёшек, чтобы вскипятить чаю, они снова отправились в путь.

Айгур поражался тишине, царившей в горной стране. Тишина была полной: ни пения птиц, ни тарыхтения насекомых, ни завывания ветра в скалах – ничего, полное безмолвие. Горный воздух, лишенный ароматов земли был чист и свеж. Солнце взошло, и стало теплее.

Ущелье закончилось, распавшись на множество узких извилистых расщелин. В расщелинах было темно, туда ещё не проникли лучи первого солнца. Крутые стены поросли странным бурым длинноворсным мхом, похожим на ковер, сотканный из неисчислимого множества длинных и тонких крысиных хвостов. Айгур такого мха никогда не видал. Он подошёл к стене и потрогал мох рукой: он оказался теплым и сухим.

Неожиданно крысиные хвосты вздрогнули и заструились по пальцам Айгура, закручиваясь вокруг них. Ковер ожил, зашевелился. Парень резко отдернул руку, но не тут-то было – мох держал крепко. Хвостики удлинялись, превращаясь в подобие тонких и гибких прутьев, оплетали руки и ноги Айгура, прижимали его к скале. Пальцы левой руки ещё не были оплетены мхом, Айгур попытался вытащить из-за пояса нож, но не дотянулся до ножен, он был скован по рукам и ногам. Несколько жёстких побегов обвилились вокруг шеи, кузнец стал задыхаться, мысли его путались от удушья. К тому же он ощущал сильное жжение на обнаженных участках кожи – мох-убийца сосал кровь, впрыскивая в раны свой ядовитый сок.

Гай метался перед гибнущим хозяином, и надрывно лаял, не зная, как тому помочь. А прутьи всё удлинялись, они пытались дотянуться и до собачьих лап.

Спасти Айгура могло только чудо, и это чудо свершилось.

Неожиданно смертоносные ростки понемногу стали ослаблять хватку и, вскоре, безвольно повисли, подрагивая и медленно втягиваясь в скалу. Освобожденный Айгур упал на дно расщелины и на четвереньках пополз к выходу из неё. Добравшись до безопасного места, он распластался на каменистой тропе и долго лежал, судорожно глотая воздух. Верный Гай стоял рядом, повизгивал и лизал руки хозяина, исполосованные ожогами и сочащиеся кровью.

Отдышавшись, Айгур сел на камень и стал осматривать себя. Крысиные хвосты обожгли не только кисти рук и шею. Они заползли за шиворот, в разрез рубахи, в рукава. Везде, где они прикасались, багровели следы ожогов-укусов. Кожа вокруг них воспалилась и опухла. Такие ожоги возникали, если порежешься ядовитой травой, которая росла в некоторых местах в пойме Йяки. Если не смазать лечебной мазью, болели они долго, гноились. К счастью для Айгура, Лиэна положила в его заплечный мешок медный пузырек с этой мазью – вдруг пригодится в дороге. Вот и пригодилось народное снадобье...

– Вот, же, недоумок, – бурчал себе под нос Айгур, смазывая ожоги мазью. – Ведь сказывали охотники, глубоко забредавшие в леса, но никогда не доходившие до предгорья Голубых скал: «В лесах много дичи и мало крупных хищников. Разве что лисицы. А вот в горах какие звери водятся, то нам неизвестно. Да и на что нам горы, если в лесах всякой живности полно!». Ведь всё правильно они говорили – никто не знает, какие опасности человека в горах подстерегают. А я... давай хватать, что не попадя! Осторожным надо быть...

Закончив обработку ожогов, Айгур принялся размышлять о своём чудесном спасении. То ли насытился этот неведомый зверь его кровью, то ли не понравилась она ему... Парень хмуро взглянул на опасную расщелину. Один из её склонов, тот самый, у которого Айгур едва не расстался с жизнью, был ярко освещён лучами солнца, другой утопал в тени. Крысиные хвосты на солнечном склоне сжались до размеров мышинных хвостиков. Может быть, эти твари боятся солнечного света? Чтобы подтвердить свою догадку, он подошел к скале и поворошил ужавшиеся ростки ножом, рукой прикасаться к ним опасался. Ростки не шевелились, свисали вниз мёртвыми бурыми и совершенно не опасными на вид веревочками. Айгур опасливо приблизился к теневому склону и протянул руку с ножом ко мху – смертоносные щупальца потянулись навстречу. Все стало, более или менее, понятным.

Стены всех расщелин были покрыты этим живым хищным мхом, а другого пути вперед не было, спускаться и искать новую дорогу не хотелось. Айгур решился. Осторожно, стараясь держаться солнечной стороны, он пошёл вперед, придерживая Гая за ошейник. Впрочем, пес и сам, напуганный происшедшим, жался к бедру хозяина.

Скоро заросли мха-убийцы закончились, отвесные стены стояли голые, как речные валуны-окатыши. Дно расщелины стало расширяться, превращаясь, по мере их продвижения, в каменистое плато. Ожоги горели и чесались, Айгура слегка лихорадило, но он старался не обращать внимания на недомогание, и это у него почти получалось.

Вдруг Айгур увидел змею. Гади́на лежала, свернувшись на плоском камне, и грелась на солнышке. Это была очень большая особь – наверное, не меньше трёх – трёх с половиной метров. Яркие жёлтые и оранжевые пятна по бокам длинного чешуйчатого тела змеи говорили о её ядовитости. Обойдя опасную тварь стороной, путники пошли дальше. Но вскоре встретили еще одну, а потом сразу несколько рептилий. Змеи, не мигая, глядели на непрошенных гостей и злобно шипели. Айгур не боялся змей, он знал, что они нападают, лишь защищаясь, если посчитают, что им угрожает опасность. Главное – близко не подходить и не делать резких движений. Однако змей было так много, что идти по этому маршруту дальше было бы слишком опасно. Поэтому путникам пришлось вернуться и, сделав большой крюк в сторону, опуститься на несколько метров ниже достигнутой отметки.

Дорогу часто пересекали трещины и разломы. Некоторые из трещин человек и пёс перепрыгивали, некоторые – более широкие – приходилось обходить, уклоняясь от намеченного маршрута. Иногда они поднимались, приближаясь к перевалу, иногда опускались, удаляясь от

него. Порою приходилось карабкаться по практически отвесным скалам, так как иного пути попросту не было. Айгур удивлялся легкости, с которой он брал, казалось бы, непреодолимые высоты. Житель долины, никогда доселе не бывавший в горах, Айгур не испытывал страха перед кручами и бездонными пропастями, и то и другое казалось ему привычным, каким-то обыденным.

Наверное, сказывался приобретённый за небольшое время опыт пребывания в горах... Поднимаясь на очередной уступ, он, словно бы, помнил каждую трещинку, каждый выступ в монолитном камне. Айгур интуитивно понимал, благодаря некоему неведомому чувству, что вот эта трещина достаточно глубока и что в неё можно без опаски вставить пальцы и, цепко ухватившись, подтянуться. Что она не раскрошится, выдержит вес его тела. А, вот, на этот выступ можно поставить ногу, перевести дыхание и осмотреться в поисках следующей естественной ступеньки, не опасаясь сорваться с кручи.

Поднявшись на уступ, он на длинной веревке, один конец которой был привязан к его поясу, а второй к шлейке навьюченного Гая, поднимал и пса и поклажу. Пожалуй, эта часть подъёма на гору была более тяжёлой, чем само скалолазание.

Наконец, когда солнце уже садилось, они снова выбрались на более или менее пологий участок гор. Наученный горьким опытом общения с мхами-убийцами, Айгур решил пораньше определиться с ночлегом.

Небольшую сухую пещерку они нашли быстро. На стенах пещерки ничего не росло, змей поблизости тоже не было видно. Айгур развел огонь у входа, сварил похлебку. Поужинали, и Айгур уснул – как в пропасть провалился. Он спал беспокойно, стонал и что-то бормотал во сне. Гай насторожённо поглядывал на хозяина, не спал, охранял его сон.

Утром Айгур почувствовал себя совершенно разбитым и не отдохнувшим, но боль и жжение утихли. Восхождение можно было продолжать.

Айгура влекло к вершине. Страстное желание увидеть то, что скрывалось за грядой скал, придавало ему сил.

Сегодня они прошли больше, чем вчера, и добрались до снежных шапок. Сначала им попадались ямы, заполненные снегом, да сугробы с подветренной стороны скал. Потом голых каменных скал становилось всё меньше и меньше и, наконец, снег лёг сплошным ковром, заполнив белизной всё пространство. От этой белизны было больно глазам.

Айгур понимал, что перевал где-то близко, но его не было видно из-за плотного вязкого тумана, укутавшего вершины Голубых Гор.

Гай шумно радовался снегу, барахтался в нем, резвился, как щенок. Заваливался на спину, зарывался в снег с головой. Фыркал и громко лаял.

Айгур радости пса не разделял. Он понимал, что снег, спрятавший землю от его взора, таил много опасностей. Ступая на снежный наст нельзя было с точностью знать: что под ногой – скала или бездонная пропасть.

Но они шли и шли, не думая об опасности, с каждым шагом приближаясь к перевалу. Войдя в туман, чуть не потерялись в нём. Они едва не сбились с пути, но у Айгура был ориентир – он знал, что всё время должен подниматься вверх, а не спускаться вниз, и он поднимался. Ночь не наступала. Солнца не было видно – ни первого, ни второго, – они оба спрятались в тумане. А небо вдруг стало розовым. Таким же розовым был и снег под ногами. Всё вокруг стало розовым, и юноша растерялся: он уже не понимал – поднимается он или спускается. Айгур словно утонул в розовом киселе. У него кружилась голова, и тошнило.

Он, в изнеможении, опустился на снег и закрыл глаза.

Так бы и сидел тут, пока не замёрз, но выручил Гай. Обеспокоенный тем, что хозяин отстал, он громко залаял, и горбун увидел, как в розовом тумане возник тёмный силуэт друга. В отличие от человека, пёс прекрасно знал, куда нужно идти, ему для этого не нужно было видеть дорогу, он шёл в заданном направлении, положившись на свой собачий инстинкт. Айгур

встал и, борясь с тошнотой и головокружением, пошёл вперед, стараясь не упустить из вида тёмное пятно.

Вскоре они вышли из розового тумана и оказались в десятке метров от гребня перевала.

Солнца на небе почему-то не наблюдалось. Ни одного. Небо же было изумительно синим. Не таким тёмным, как ночное небо долины, и не таким бледно-голубым, как дневное, а ярко-синим, как глаза Лиэны...

Прямо над головой Айгура сверкала радужная дорожка, делящая небо на две равные половины. Дорожка уходила вдаль в обе стороны, и концов её не было видно – они истончались и исчезали в бесконечной синеве неба. Внизу, под радужной дорожкой из ставшего вдруг молочно-белым тумана торчали голубые пики горных вершин, сливались с туманом белые седловины перевалов.

Айгур стоял на границе двух миров и не решался сделать первый шаг. Сзади был его мир – неправильный, несправедливый, но родной и, более-менее, понятный. В нём прошло его детство. В нём он жил, радовался, когда ему было хорошо, печалился, когда приходила беда. В нём, в его мире, ждала его Лиэна. Она любила его. Ей было всё равно, достигнет он цели своего путешествия, или вернётся ни с чем. Только бы вернулся. Пусть уставшим и покалеченным, но живым.

Он был очень нужен ей, и она была нужна Айгуру.

– Я люблю тебя, – нежно шептала Лиэна.

– И я очень люблю тебя! Я так счастлив, что мы встретились.... Прости, что я ухожу.... Но я вернусь, обещаю тебе! Я обязательно вернусь. И мы будем счастливы. Ты веришь мне?

– Верю. Я буду ждать тебя. Всегда. Всю жизнь...

Впереди был долгожданный мир его туманных грёз, снов и смутных желаний. Чужой, незнакомый мир. Но, чтобы этот мир стал знакомым, нужно пойти туда и узнать, каков он.

– Риск большой, – говорил Альбор. – Понимаешь, на что идёшь?

– Понимаю, – отвечал он. – Но, иначе, мне жизни не будет.

Айгур шагнул вперёд. В неведомое.

Туман вновь стал розовым. Розовый туман. Розовое небо. Розовый снег. Только тёмный силуэт Гая впереди.

Спускаться было значительно легче, чем подниматься, и они очень быстро преодолели туманную полосу, и вышли на свет.

Но света не было.

Они вышли в ночь. Не видно ни зги. Темно и холодно. Ледяной ветер свистит в уши. Неприветливо встречал путников новый мир...

Айгур зажёл факел и принялся искать место для ночлега – пещеру или, хотя бы, скалу, за которой можно укрыться от пронизывающего ветра, бьющего в незащищенное лицо пригоршнями сухих колючих льдинок. Вскоре юноша нашёл то, что искал – небольшое углубление в скале, в котором они с Гаем могли бы разместиться.

Прижавшись друг к другу, человек и пес скоротали ночь и дождались восхода солнца.

Едва начало светать, Айгур стал выбираться из своего укрытия. Вход в каменную нишу завалило снегом, и Айгур приложил немало усилий, чтобы сделать проход. Гай активно помогал хозяину, орудуя передними лапами, как ковшами и мощной грудью проталкивая снег вперед. Выбравшись, Айгур устремился к обрыву, чтобы скорее заглянуть за край и увидеть мир, к которому он стремился.

Внизу простиралась долина, ярко освещенная лучами двух солнц.

Айгур замер. Что это? Как могло такое случиться?

Это была его долина. Долина, в которой он прожил двадцать пять лет.

Вон поблескивает узкая извилистая полоска реки. Йяка – сомнений не было. Айгур знал каждый её изгиб, каждый плёс, каждый островок. Вон Йяка резко ушла на восток, и, сделав петлю, вновь приблизилась к дороге, ведущей к Вратам Рая. Дорога – прямая серая линия. Поселений не видно: высоко, да к тому же они спрятаны за лесными массивами. Но и леса знакомы...

Айгур повернул голову направо. Чудо Богов! И оно было на своем месте. Красный глаз смотрел на человека холодно и презрительно.

Как же, когда они сбились с пути?.. Где изменили направление? Заблудиться в розовом тумане было немудрено, но Айгур помнил: они всё время шли, спускаясь вниз, ни шагу вверх. Кроме того, у него был проводник – верный Гай, – Айгур видел его тёмный силуэт в розовой мгле, и шёл за ним, спускаясь, все ниже и ниже, пока они не вышли в ночь из розового тумана. Айгур оглянулся и увидел цепочку следов у себя за спиной, когда они миновали седловину перевала, и радужную дорожку над головой. Перевал был чист, туман был внизу – спереди и сзади.

Айгур снова посмотрел на Чудо Богов.

Почему оно справа? Ведь по всему оно должно находиться слева... Но Чудо Богов находилось справа от них.

А может быть, это какое-то другое Чудо?.. Или вообще не Чудо? Но что тогда, если не Чудо?..

А может, это другая долина?

Айгур перевёл взгляд на лежащую внизу равнину.

Конечно, обманывал он себя, это другая долина! Только очень похожая на его родную. И в этой другой долине живут другие люди...

В этом нужно было убедиться.

Снова скалы, снова расщелины, осыпи, разломы – всё знакомо, всё усиливает сомнения. Может быть, это другие скалы и расщелины? Может быть, осыпи и разломы просто похожи на те, что он уже встречал? – теплилась надежда в душе юноши.

Пещера у подножья Голубых Гор, как две капли воды похожая на ту, что приютила Айгура и Гая в ночь, перед восхождением, чернела входом. При приближении человека и пса какой-то юркий зверёк выскочил из её темной глубины наружу и задал стрекача в кусты. Гай проводил его ленивым взглядом и вошёл в пещеру. Айгур, вздохнув, вошёл следом. В пещере он увидел то, что и ожидал – чёрные угли прогоревшего костра и охапку веток в углу. Всё так, как они оставили несколько дней назад, уходя в горы.

Айгур скинул мешок на землю, освободил Гая от поклажи, в изнеможении упал на душистые ещё ветки, из которых было сооружено ложе.

Завтра его ждал новый день и новое восхождение.

Глава IV. Снежная лавина

Юноша потерял счёт дням. Как одержимые поднимались они с Гаем к вершинам, преодолевали перевалы – каждый раз новые – и снова спускались в долину. Айгур менял начальную точку, из которой они начинали очередное восхождение, пробовал идти разными маршрутами. Но результат был всегда один – они возвращались назад, в свою долину. Путь через кольцо гор не открывался. Мир, в котором они родились, не выпускал их.

Но они, стиснув зубы, снова шли в горы. Карабкались по скалам, рискуя жизнью. Преодолевали бездонные пропасти. Прятались от камнепадов.

«Я всё равно найду дорогу!» – упрямо твердил Айгур.

Но дорога в другой мир не открывалась человеку и псу.

Со злостью взирая на краснеющее вдалеке Чудо Богов, Айгур сжимал кулаки. Он стал догадываться, что ищет не там. Последний раз он попытает счастье на новом перевале, а потом нужно возвращаться домой. Они с Гаем только немного отдохнут и возобновят поиски пути через кольцо гор. Но на этот раз в другом месте – на севере долины, там, где исчезает под землёй Йяка. Это место люди считали нехорошим. Гиблым местом. Йяка доносила свои воды до северных отрогов Голубых Гор и исчезала, низвергаясь в бездонную пропасть...

Путники шли вдоль границы туманной области, не заходя в туман, в направлении Чуда Богов. Высоченная вершина, покрытая снегом, заставила их сделать большой крюк и спуститься чуть ниже границы тумана. Под ногами был камень (или плотный снежный наст?), но местами попадались участки, покрытые рыхлым снегом, в который Айгур проваливался по пояс. Такие участки выматывали, отнимали у путников последние силы.

Не найдя ни одного надёжного укрытия, Айгур сделал привал возле невысокого – в рост человека – обледелого камня. Гай вёл себя беспокойно: глухо рычал и призывно глядел на хозяина, призывая идти дальше. Но силы Айгура были на исходе, ему нужно было хоть немного отдохнуть. Кузнец привалился спиной к камню и закрыл глаза. Он не собирался спать, но едва присел, моментально провалился в тяжёлый сон без сновидений.

Проснулся Айгур оттого, что Гай опрокинул его на снег и тянул за рукав куртки. Совершенно не восстановивший силы молодой человек с трудом поднялся на ноги, но снова упал. Встал на четвереньки и встряхнул головой, как это делал Гай. Откуда-то сверху – со стороны вершины – доносился неясный тревожный гул. Пёс громко залаял, призывая хозяина поспешить. Айгур, еще не понимая, что происходит, сделал несколько шагов. Гай побежал вперед, постоянно оглядываясь на хозяина. Гул нарастал, Айгур почувствовал, что земля под его ногами трясётся. Он оглянулся, посмотрел на гору, и увидел страшное: снежная шапка сползала с вершины и быстро надвигалась на них. Айгур понял всю безвыходность положения: спрятаться от лавины негде. Впереди, на многие сотни метров – ровная поверхность снежного плато, до ближайших скал, за которыми можно было укрыться, они добежать не успеют. Во всяком случае, он, Айгур, обессиленный и почти потерявший волю, не сумеет добежать до укрытия.

«Неужели это конец? – грустно подумал кузнец. – Я погибну, вот так глупо, так и не отыскав дорогу через горы!...»

Гай, убежавший вперед, вдруг остановился.

– Беги, Гай! – хрипло крикнул горбун. – Спасайся, дружище! Ты успеешь, беги...

Но верный пёс, низко опустив голову, побрёл к Айгуру – он сделал выбор. Айгур замахал руками, гоня от себя Гая, но пёс, подойдя к хозяину, сел на задние лапы у его ног и поднял к небесам кудлатую голову.

Вой чёрного гиганта был страшен, в нём звучала обречённость. Надрывные, щемящие душу звуки, стали тонуть в реве взбесившейся стихии. Айгур зачарованно глядел на приближающийся снежный вал, поднимающий перед собой бурун снежной пыли.

Их накрыло снежное облако.

«Прощай, друг» – хотел сказать Айгур, но не успел.

Страшной силы удар выбил воздух из легких. Айгура оторвало от земли и, как пушинку, завертело, закружило в снежном водовороте. Снег сковывал движения, им забило рот, уши, глаза. Айгур задыхался. Сознание меркло.

– Просытайся! Хватит дрыхнуть! Вставай!

Слова, произносимые шёпотом, звучали требовательно.

– Просытайся! Ты забыл о том, что должен сделать? Просытайся, ты должен идти, – продолжал требовать голос.

– Но я не хочу никуда идти. Мне хорошо здесь.

– Тебе нельзя здесь оставаться.

– Почему?

– Я уже говорил тебе...

– Что ты говорил?

– Ты должен идти, чтобы кое-что сделать.

– Но что? Я не помню. Скажи мне...

– Ты должен вспомнить сам.

– Я ничего не помню. Я даже себя не помню. Кто я?

– Ты – это я.

– Так не бывает.

– Бывает, бывает, еще как бывает. Я это точно знаю: я знаю, что я – это ты. А я себя обманывать не стану. Зачем?

– Но куда всё-таки я должен идти? Помоги мне вспомнить.

– Я же уже сказал: ты это должен вспомнить сам. Не буду я тебе помогать. Не буду, и всё.

Шёпот почему-то обиделся. Его долго не было слышно. Потом снова:

– Проснись! Просытайся, я сказал!

– Как тебя звать?

– Так же, как и тебя.

– А как звать меня?

– Вспоминай...

Темнота стала редеть. Она стала похожа на ветхую тряпку, которую натянули на костяные пальцы. Сквозь редкие нити пробивался свет, его становилось больше. Вместе со светом появились мысли.

Кто я?

Мысли медленные, тягучие, как патока.

Я – человек. Как меня зовут? Не помню... Не могу вспомнить... Нужно постараться. Я вспомню. Обязательно. Я чувствую, что должен вспомнить. Пока не могу...

Где я?

Мысли быстрые, мечущиеся, пугливые, как зайцы.

Я куда-то шёл. Я искал что-то. Что я искал?.. Какую-то дорогу...

– Вот. Уже лучше! – снова этот шёпот. Теперь в нём удовлетворение.

– Если бы света побольше... я бы тогда быстрее вспомнил.

– Света? Чего проще? Глаза открой – будет тебе свет.

Нити ветхой тряпицы расплзлись. Света стало так много, что резануло глаза. Юноша закрыл их, но тут же снова открыл. Больно, но приятно. Мрак напоминает о смерти, свет – это жизнь.

Меня зовут Айгур, вспомнил он.

Что-то чёрное и лохматое возникло перед его глазами. Оно не было страшным, напротив – близким и знакомым. Гай... Верный дружище, Гай!

– Гай, – прошептал Айгур.

Пёс радостно заскулил. Парень с трудом поднял руку и вплеп пальцы в лохматую гриву.

– Ну-ка лежать, животное, – раздался голос за головой Айгура. – Твои кости еще не срослись.

Голос был низкий и принадлежал, явно, старику. Айгур не понял, к кому обращались – к нему, или к Гаю, кого называли животным?

– Лежать, я сказал, – повторил старик. – Вот же упрямая псина! Никуда твой хозяин не убежит. Ему ещё рано бегать. Так же, как и тебе, между прочим.

Старик приблизился к Айгуру, склонился над ним. Горбун увидел тёмное обветренное лицо в окаймлении белых, как снег, волос. Лицо было иссечено морщинами и шрамами, и тех и других было предостаточно. Однако коррективы, внесенные временем и стихиями – солнцем и ветром – не стёрли с этого лица печать благородства, не исказили божественную красоту и строгость черт. Мудрые тёмно-серые глаза смотрели на Айгура внимательно, но без какого-либо сострадания. Холодные глаза Бога.

– Так-то лучше, – произнёс Бог ровным спокойным голосом. Выпрямился, ещё немного постоял над парнем, изучая его лицо, отвёл глаза в сторону, задумчиво кивнув своим собственным мыслям, и отошёл в сторону.

Айгур огляделся. Гай так и не лёг, как ему велел седой Бог, сидел рядом с низким ложем, на котором лежал его очнувшийся ото сна хозяин, и преданно смотрел ему в глаза. К правой передней лапе пса были прилажены две дощечки и обмотаны тряпицей. Туловище тоже было перевязано белой тряпкой, сквозь которую проступали пятна крови и жёлтой, остро пахнущей, мази.

Ложе было застелено мохнатой шкурой какого-то большого зверя. На стенах висели две точно такие же шкуры – одна шкура прикрывала дверь, вторая, по-видимому, окно. Комната освещалась огнём, пылающим в камине, и двумя лампадами, подвешенными к потолочной балке. С этой же балки свешивались гирлянды чеснока, пучки трав и корней. Убранство жилища отличалось аскетизмом, граничащим с бедностью. Кроме ложа, на котором лежал Айгур, в комнате стоял стол, скамья у стены и кресло, сплетённое из чёрных прутьев. Над камином – широкая полка с глиняной посудой. Пол комнаты застелен циновкой, также сплетённой из прутьев. Никакой роскошью, о которой говорили роженицы, побывавшие в Раю, здесь даже не пахло. Пахло дымом и пряными травами.

Нет, эта комната на жилище Бога была совершенно не похожа. Все, как у людей, подумал Айгур, может быть, даже немного беднее. Но куда же он тогда попал? Где он? И что делает седой Бог в этой лачуге?..

Айгур попробовал встать, приподнялся на локтях. Тело слабо слушалось своего владельца, оно было каким-то ватным, но болело. Закружилась голова, потемнело в глазах и сильно закололо в груди. Айгур со стоном упал на подушку.

– Лежи, не вставай, – раздался строгий голос Бога от камина. – Будешь лежать спокойно – завтра встанешь. Будешь дёргаться и ворочаться – неделю проваляешься.

Старик что-то размешивал в котелке, стоящем на каминной решётке. Сняв котелок с огня, перелил содержимое в глиняную чашку. Подул на варево, остужая, отхлебнул. Сморщился, но удовлетворенно качнул головой.

– Ты должен это выпить, – сказал седой, подойдя к ложу.

Приподняв голову больного, он приблизил к его губам чашку с отвратительно пахнущим варевом. Айгур обжег язык, сделав первый глоток, и хотел отстраниться, но Бог крепко держал его голову.

– Это нужно пить горячим, – строго сказал старик. – Именно таким горячим – не горячее и не холоднее.

Айгур стал отхлебывать из чашки мелкими глотками. После третьего-четвёртого глотка жидкость уже не казалась такой горячей и противной. Она была горька, но, кроме горечи, там ощущались и кислота и сладость. И еще что-то резкое, похожее на забродившее вино. Выпив чашку до дна, Айгур даже чуть-чуть захмелел. Веки его стали тяжёлыми, захотелось спать. Сквозь дрёму слышал тихое бормотание старика:

– У тебя, видать, давно ни крошки в животе не было. И пёс твой голодный, как бездомная собака. Был голодный, сейчас уже отъелся, сожрал все мои мясные запасы, всю солонину. Надо на охоту идти. Тебе, парень, теперь мяса свежего надо, бульону горячего...

По телу Айгура медленно разливалось тепло. Боль в груди прошла, появилось ощущение удивительной лёгкости. Он снова летел на своих сильных крыльях над цветущей долиной, над большой водой, над прозрачными крышами человеческих поселений. Рядом с ним летела Лиэна. У нее тоже были крылья, белые, как снег, лежащий на вершинах голубых скал. Девушка улыбалась Айгуру...

Спал Айгур не долго, так ему показалось. Проснувшись и увидев над собой деревянную балку с висящими гирляндами чеснока, сразу вспомнил, где он и что с ним произошло. У двери, за головой юноши, раздавалось громкое чавканье Гая – пес расправлялся с очередной порцией еды. Айгур вдруг понял, что очень голоден. Он попробовал подняться. Сел на кровати, спустил ноги вниз. Голова закружилась, комната поплыла перед глазами, но парень ложиться не стал, посидел, дожидаясь, когда головокружение пройдет. Потом встал на ноги и опёрся рукой о спинку кровати.

Гай косо поглядывал на него, не в силах оторваться от своей миски, вылизывал. Когда слизнул последнюю крошку, хромая, подошёл к Айгуру и гавкнул, приглашая на прогулку. Айгур оторвался от спинки кровати и сделал несколько неуверенных шагов. Гай первым подошёл к стене, на которой висела лохматая шкура, он уже хорошо ориентировался в жилище Бога. Откинув край шкуры, Айгур обнаружил тяжёлую дверь, навешанную на большие медные петли. Ставшие темно-зелёными от времени, петли были хорошо смазаны салом. Айгур толкнул дверь – она открылась легко, без малейшего скрипа.

Свет хлестнул по глазам. Белый снег искрился на солнце. Парень зажмурился, прикрылся рукой. Глотнул холодного и чистого горного воздуха, закашлявшись, прислонился к дверному косяку. Так он стоял несколько минут: зрение привыкало к яркому свету, дыхание потихоньку восстанавливалось.

Гай, ковыляя, убежал делать свои дела.

Айгур прошёлся по хрустящему снегу и огляделся. Был уже вечер, но второе солнце светило ярко, а Чудо Богов ещё было красным. Дом седого Бога, срубленный из толстых, посеревших от времени, брёвен, стоял на дне неглубокой котловины, окруженной пологими холмами, покрытыми снегом. Одной стеной дома служил камень, вздымающийся вертикально из земли. Этот камень защищал жилище Бога от господствующих ветров. Вершина утёса была острой, как пика, и снег на ней не держался. На коньке двухскатной крыши было установлено странное сооружение, напоминающее расправленные крылья птицы. От дома за ближайший холм тянулась по снегу дорожка в две полосы.

«Странные следы, – подумал Айгур. На что же это похоже?»

Но вот из-за холма, куда вели эти странные следы, послышался скрип снега, а вскоре появился седой Бог. К его ногам были привязаны ремнями две деревянные дощечки с загнутыми кверху концами. Благодаря им Бог не проваливался в рыхлый снег, шёл легко и быстро, несмотря на ношу, лежащую на его плечах.

Смотри-ка, подумал Айгур, вспоминая свои блуждания в снегах, просто-то как! Почему я не додумался?..

В долине снег выпадал редко, и его было мало, потому то и не было необходимости в подобном приспособлении. Знай Айгур побольше о снеге, он бы, наверняка, дошёл своим умом до этого изобретения.

Бог подошёл к дому, на его плечах лежала козлиная туша. Старик сбросил её у ног Айгура. Разглядывая мёртвого козла, Айгур размышлял над способом, которым он был убит – в чёрном боку зияла дыра, величиной с кулак, шерсть по краям раны обгорела.

– Я гляжу, ты идёшь на поправку, человек, – одобрительно заметил старик. – Отведаешь козлятины – будешь совсем здоровым!.. Фу! – Старик прикрикнул на Гая, обнюхивающего охотничий трофей.

– Вы были на охоте? – спросил Айгур.

Бог кивнул головой:

– Для тебя свежее мясо сейчас – лучшее лекарство.

– Я считал, что в горах очень мало животных, – сказал Айгур. – Мне только змеи встречались, да мох, который хотел меня сожрать.

– Мох? Это не мох. Это... – Бог произнес слово, которое Айгур не смог бы выговорить, как ни старался. Странное слово, не человеческое. – Он активен только ночью, на солнце втягивает щупальца в скалу, где живет его мозг. По сути, он – часть скалы, гибрид животного, растения и камня... Говоришь, чуть не съел тебя?

– Да. Если бы солнце не выглянуло... А чем же эта тварь питается? Путники в горах не часто встречаются, ведь так?

– Ест он всё, до чего могут дотянуться его щупальца. Мышей, жуков, бабочек, мотыльков. Тех же змей. Но иногда и более крупные животные оказываются в его смертоносных объятьях. Если, конечно, зазеваются... Горы полны жизни, парень, – Бог замолчал, добавил задумчиво: – Но для того, чтобы убедиться в этом, нужно прожить здесь столько, сколько я прожил...

Айгуру показалось, что он никогда в жизни не ел ничего вкуснее, чем эта сваренная Богом козлятина. Правда, он выпил только чашку наваристого, ароматно пахнущего пряными травами, бульона и съел маленький кусочек мяса – Бог запретил есть больше, сказал: позже, когда изголодавшийся желудок придёт в норму. Сам же уплетал варёную дичь за обе щеки. Гай сидел у ног хозяина и ожидал подачи.

– Что ты делал в горах, человек? – Бог закончил трапезу и вытер губы платком.

Айгур молчал – размышлял над тем, что и как ответить. Ведь его спрашивал Бог. Айгур и человеку-то не всякому ответил бы, а тут Бог! Правда, этот Бог был странным: разговаривал с ним без неприязни, не гнушался. Лечил его, уступил свое ложе, сам ходил охотиться, сам варил ему похлёбку. Станный Бог! Неправильный. Не такими описывал их мудрый и бывалый Альбор.

Старик заметил жадный собачий взгляд, взял со своей тарелки наполовину обглоданную кость и протянул псу. Гай не взял, посмотрел на Айгура, спрашивая разрешения.

– Возьми, – разрешил Айгур.

Гай аккуратно взял кость из руки Бога, лёг с ней на пол и захрустел, тихо, словно старался не мешать разговору.

– Ишь ты, – удивился Бог, – не берет без разрешения. А когда хозяин без памяти валялся, брал, хитрец, из чужой руки.

Старик откинулся на спинку кресла. Снова спросил:

– Так что ты делал в горах?

– Дорогу искал, – решил не врать Айгур.

– Какую дорогу? Куда?

– Скорее, откуда.

– Понимаю... Хотел сбежать из долины? Укрыться от Божьей кары?

Старик произносил эти слова ровным голосом, Айгур не мог понять, что стоит за словами Бога – гнев или насмешка?

– Я не хотел убегать, – ответил Айгур хмуро, проигнорировав слова о Божьей каре. – Я просто искал дорогу.

– А разве не сказано в Законах Божьих, что мир, в котором ты живёшь, един? Что за кольцом Голубых Гор – хаос и пустота? Ты не поверил в это утверждение?

– Не поверил.

– Теперь убедился?

Айгур отрицательно покачал головой.

Бог внимательно поглядел в глаза юноши.

– Ты упрям, – сказал он. – С чего ты вдруг решил искать дорогу, которой не существует? Кто тебя надоумил?

– Никто. Я сам.

– Сам?... Как тебя звать, человек?

– Айгур.

– А сколько тебе лет, Айгур?

– Двадцать пять.

– Хороший возраст, – с грустью в голосе произнёс седой Бог. По-видимому, сейчас он вспоминал те далекие времена, когда тоже был двадцатипятилетним парнем. – Ты уже крепок, полон сил и с надеждой глядишь в будущее. Ты абсолютно уверен, что оно прекрасно, что все твои чаяния обязательно сбудутся, и что впереди тебя ждет длинная счастливая жизнь. Ты не ведаешь и не думаешь, что она может сложиться не лучшим образом. Но ты не ошибаешься, по большому счету. Во всяком случае, в ней, в твоей жизни, будет достаточно радостных и приятных мгновений. Будут и печальные, но... – Он вдруг осёкся, прервав поток красноречия, и пристально посмотрел на горбуна. – Двадцать пять, говоришь?... Из какой ты деревни, юноша?

Айгур назвал деревню и пояснил, где она расположена.

– Ты родился зимой? – зачем-то спросил Бог.

– Зимой, – кивнул Айгур. – Двадцать первого дня последнего месяца четыреста семьдесят шестого года от сотворения Мира.

– Вот как... – Седой Бог задумался, забормотал невнятно: – Тот самый день... Двадцать пять лет назад... Что это – совпадение? Случайность? Или – судьба?... То-то я смотрю: минимальные искажения... Только горб, а в остальном... Видать, не успела Ледия завершить составление программы... Именно так... Всё это не случайно... Вот и пришло время перемен, настал час истины... Вечно обман длиться не может...

– Вы о чём? – недоуменно спросил Айгур.

Старик поднял глаза и строго сказал:

– Уже поздно. Давай спать.

Айгур расстелил у догорающего камина лохматую шкуру, которую Бог достал из-под лежанки.

Огонь в камине бросал блики на лицо Бога, и Айгур видел, что тот не спит, лежит с открытыми глазами, заложив руки за голову, и что-то бормочет, разговаривая с самим собой. О

чём думал седой Бог? Что вспоминал? Почему старика так взволновало сообщение о возрасте Айгура. Наверное, с тем временем этого странного Бога что-то связывало... О какой истине и каком обмане говорил он? Станный Бог! Почему он не живет в Раю, как другие Боги, его соплеменники? Почему он прозябает в бедности, в этой лачуге? Почему один? Зачем терпит лишения, рискует быть съеденным мхом-убийцей с труднопроизносимым названием или засыпанным снежной лавиной? Размышляя так, Айгур не заметил, как уснул.

Глава V. Тайна богов

Проснувшись, Айгур увидел, что седой Бог лежит в той же позе.

«Уж не помер ли он, часом?» – подумал кузнец и приподнялся на локте.

Услышав лёгкий шорох, седой Бог резко повернул голову и посмотрел на горбуна. По набрякшим векам и углубившимся морщинам Айгур догадался, что старик этой ночью спал очень мало или не спал вовсе.

– Ты спишь, как младенец, – сказал Бог. – Завидую. А вот пёс твой всю ночь стонал и повизгивал. Наверное, снилось, как вы под лавину попали. Повезло вам, что я рядом оказался...

Бог, крихтя, поднялся с ложа и подошёл к котлу с водой, стоящему у двери. Плеснув пригоршню холодной воды себе в лицо, обернулся и сказал:

– Пошли, прогуляемся перед завтраком.

Айгур так же быстро умылся и поспешил за Богом, накинув на плечи куртку. Гай, естественно, вызвался его сопровождать. Пёс почти не хромал, он выглядел весёлым и вполне довольным жизнью. И Айгур чувствовал себя великолепно; лечение Бога пошло им обоим на пользу.

Старик протянул Айгуру вторую пару снегоходов.

– Одень, так удобней, – посоветовал он.

Тропинка, по которой вчера прошёл старый Бог, вывела на широкую террасу, покрытую плотным снегом. Они подошли к самому её краю. Айгур посмотрел вниз, и у него защемило сердце – в утренней дымке расстилалась долина, покрытая зелёными и жёлтыми пятнами осенних лесов, сверкала серебром Йяка. Долина была рядом, казалось, руку протянуть – достанешь. Родная долина Айгура. Там ждала его Лиэна, там стоял его дом.

Гай бегал по краю обрыва и гулко отрывисто лаял.

– Тропа, по которой мы сюда пришли, на этой террасе не заканчивается, – сказал Бог, испытующе глядя на юношу, и махнул рукой на бурую скалу. – Вон там, огибая утес, она продолжается и положим серпантинном спускается в долину. Это легкий путь. Его не пересекают трещины и разломы. Шагов через триста область снегов заканчивается и начинается твердая каменистая почва. К концу этого дня ты можешь достигнуть подножья гор. И вернуться домой... Чтобы продолжать жить, как все... Пойдешь? Можешь идти прямо сейчас, а можешь сначала позавтракать...

Айгур долго не отвечал. Он стоял на краю обрыва и, глядя вдаль, думал. Наконец, он повернул голову к Богу и твёрдо сказал:

– Нет, это не мой путь. Он слишком лёгок. Я не знаю, какие трудности и опасности встретятся на моём пути, но я должен пройти его. До конца.

– Ты прав, мальчик, – согласился Бог. – Это не твой путь.

Тихо и лениво потрескивают дрова в камине. Бог молчит, глядя на огонь. Молчит и Айгур, ожидая, когда Бог заговорит. Айгур чувствует, что сегодня он узнает нечто особенное, то, что поможет ему найти правильную дорогу. Ведь сказал же Бог: «Ты прав, мальчик. Это не твой путь». Значит, есть другой путь. Значит, всё-таки, существует путь через кольцо гор! И он, Айгур, обязательно по нему пройдёт. Чего бы это ему не стоило.

– Мое имя – Гудзор, – наконец заговорил седой Бог медленно и задумчиво. – Я рожден Богом и жил в Раю достаточно долго. Но однажды, двадцать пять лет назад, произошло событие, в результате которого я был изгнан из Рая и оказался здесь – среди диких безлюдных скал, продуваемых ледяными ветрами. Не имея крыши над головой... Это жилище я построил сам. Долго строил. Каждое бревно доставлял сюда из предгорья, таща волоком, под-

нимая верёвками, сплётёнными собственноручно и пропущенными через систему блоков... Четверть века... Четверть века я живу отшельником, не встречаясь ни с людьми, ни с Богами. Двадцать пять тяжёлых лет я терплю всяческие лишения – физические и душевные. Я подвергаю свою плоть опасностям, а душу – одиночеству. Одиночество... Это самое страшное, что может быть избрано в качестве наказания... Ты отвержен, ты совершенно один. Твой единственный собеседник – это ты сам, а если кто-то приходит к тебе составить компанию, то лишь в твоих воспоминаниях и снах... – Гудзор тряхнул головой, отгоняя горькие мысли. – Тебе трудно это понять, парень. Ты жил среди людей...

Айгур горько усмехнулся, но промолчал.

– От жуткого одиночества и от бесед с призраками, призванными воспалённым воображением, можно легко сойти с ума. А иногда вдруг накатывает, и хочется разом покончить со всем этим... Однажды я едва не решился на самоубийство. Приблизился к существу, которое ты назвал мохом-убийцей... Мне оставалось сделать один единственный шаг, но... я не смог. Не хватило воли?.. Не знаю. Слаб человек!

«Человек? – удивился Айгур. – Почему – человек? Ведь Гудзор – Бог. Или он не себя имеет в виду?..»

Горбун вспомнил...

...Ему тогда исполнилось шестнадцать. Чем тот зимний вечер отличался от остальных бесконечно тянувшихся и однообразных вечеров, проведённых им в полном одиночестве? Да ничем, вроде бы... Но именно в этот вечер ему захотелось умереть. Именно в тот вечер тоска одиночества достигла своего апогея. Айгур зашёл в кузницу, встал на табурет, просунул прочную верёвку в зазор между потолочной балкой и досками настила, крепко затянул узел, сделал петлю на конце. Долго смотрел на смертельную удавку и... не стал совать в неё голову. Он тогда так же, как Гудзор, не решился уйти из жизни. Распустил петлю, отвязал верёвку.

Почему он не стал убивать себя?.. Потому что слаб человек?..

– Я не стал себя убивать, – продолжал Гудзор. – И теперь не жалею об этом... Но вернёмся всё-таки к теме нашего разговора. Не буду рассказывать, за какое прегрешение я был отвергнут своими соплеменниками... – он опустил глаза, – это не важно теперь. Важно другое: тогда – четверть века назад – своим проступком я неосознанно положил начало грядущим переменам в нашем маленьком обособленном мирке. И этим началом стало твоё появление на свет... Да, да, – кивнул старый Бог, заметив недоверие в глазах горбуна, и повторил: – Твое появление на свет, Айгур... Ты – избранный. Избранный судьбой, временем, неизбежностью. Ты родился другим, не таким, как остальные люди, почти не изуродованный внешне а, потому – свободный в душе. Свободный от догм, внушаемых людям их мнимыми благодетелями, то есть нами, Богами... Ты, наверняка, заметил совпадение: тебе двадцать пять лет, и я живу отшельником в горах те же самые двадцать пять лет. Так получилось, что наши с тобой жизни тесно переплелись. Из-за моего вмешательства программа, которая должна была сделать твоё лицо уродливым, осталась недописанной.

– Какая программа? – удивился Айгур.

– Чтобы ответить на твой вопрос нужно начинать издалека... Многое, из того, что я сейчас расскажу, будет для тебя непонятным. Знания, которые даются людям, ограничены Божьими Законами и Кодексом Запретов. Считается, что знания, как таковые, для людей опасны, они могут заставить людей думать и сомневаться, а Богам этого не нужно... Богам нужно одно: как можно дольше оставлять всё неизменным. Иначе, благополучие Мира, то есть, их собственное благополучие, рухнет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.